

Коллекция оссуариев из фондов Государственного музея истории Узбекистана

Томир Хусанович Норкобилов¹, Лариса Георгиевна Левтеева¹,
 Вазген Сосович Минасянц¹, Дурдона Бахроновна Расулова^{2#}

¹ Государственный музей истории Узбекистана, Ташкент, Узбекистан

² Самаркандский государственный педагогический институт, Самарканд, Узбекистан

E-mail: durdonarasulova0999@gmail.com

Аннотация. У народов Центральной Азии существовал в древности выработанный веками обряд захоронения. Согласно зороастрийским религиозным представлениям, хоронили покойников (очищенные кости) в остоны, или оссуарии. Оссуарии изготавливали из глины и обжигали. Они имели вид ящичков, а иногда принимали форму сидящей человеческой фигуры, где ящичек играл роль основания. Оссуарии помещали в особые склепы, которые в арабских источниках именовались наусами. Множество таких сооружений встречено в Хорезме, Согде, Пайкенде, вокруг Ташкента и в самом Ташкенте, в других районах Узбекистана. В представлении зороастрийцев кости следовало хранить до дня воскресения праведников в судный день. В Государственном музее истории Узбекистана АН РУз хранится одна из самых значительных коллекций оссуариев, насчитывающих 157 целых форм и их фрагментов. Оссуарии были найдены в Ташкенте и Ташкентской области, на Афрасиабе (г. Самарканд) и в Самаркандской области, Кашкадарьинской области, Хорезме, Каракалпакстане и др. Все они принадлежат к местному производству. Оссуарии до сих пор остаются предметом дискуссии по вопросам о технике их изготовления, типологии, районирования и хронологическим рамкам бытования типов, символики декора, конфессиональной принадлежности. Большинство исследователей соотносит их с предписаниями зороастрийской погребальной практики. В создании музейной коллекции оссуариев были задействованы имена многих исследователей края и известных ученых, что свидетельствует о важности изучения этой категории памятников. Оссуарии, как явление материальной культуры древности, зачастую являются единственным массовым источником, отражающим религиозно-идеологические аспекты культуры общества.

Ключевые слова: оссуарий, костехранилище, коллекция, Узбекистан, Центральная Азия, зороастризм, религия, Анахита, музей, изображение

Цитирование. Норкобилов Т.Х., Левтеева Л.Г., Минасянц В.С., Расулова Д.Б., 2026. Коллекция оссуариев из фондов Государственного музея истории Узбекистана, *Уфимский археологический вестник*, т. 26, № 3, с. 749–772. <https://doi.org/10.31833/uav/2026.26.3.039>

Ossuaries Collection from State Museum of the History of Uzbekistan

Tokhir Kh. Norkobilov¹, Larisa G. Levteeva¹, Vazgen S. Minasyans¹, Durdona B. Rasulova^{2#}

¹ State Museum of History of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

² Samarkand State Pedagogical Institute, Samarkand, Uzbekistan

E-mail: durdonarasulova0999@gmail.com

Abstract. In the ancient times, the Central Asia nations had a burial ritual they had practiced for centuries. According to the Zoroastrian religious beliefs, the dead (cleaned bones) were buried in ostadons or ossuaries. Ossuaries were made of fired clay. They were shaped as boxes or sometimes as human figurines with boxes at their base. Ossuaries were placed in special vaults. The Arabian sources call them nauses. There are many sites like this in Xorazm, Sughd, Poykend, Tashkent and surroundings, as well as in other regions of Uzbekistan. Zoroastrianism followers believed that the bones should be kept until resurrection of the righteous on the Judgment Day. The State Museum of the History of Uzbekistan under the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan houses one of the most substantial collection of ossuaries. The collection lists 157 integral shapes and their fragments. The ossuaries were found in Tashkent and the Tashkent Region, Afrasiyab (Samarkand) and the Samarkand Region, Qashqadaryo Region, Xorazm, Karakalpakstan, etc. All of them were locally produced. The ossuaries are still a matter of discussion in terms of their production technique, typology, region attribution, type chronology, ornamentation symbolism and confessional attribution. Most of the researchers assign the ossuar-

ies to Zoroastrian funerary practice. The museum collection of ossuaries was created by many local researchers and famous scientists, which is evident of the great importance of studying this category of sites. Ossuaries are a phenomenon of tangible culture. Often it is the only numerous source revealing the religious and ideological aspects of the society's culture.

Keywords: ossuary, ostadon, collection, Uzbekistan, Central Asia, Zoroastrism, religion, Anahita, museum, image

Citation. Norkobilov, T.Kh., Levteeva, L.G., Minasyans, V.S., Rasulova, D.B., 2026, "Ossuaries Collection from State Museum of the History of Uzbekistan", *Ufa Archaeological Herald*, vol. 26, no. 3, pp. 749–772. (In Russ.) <https://doi.org/10.31833/uav/2026.26.3.039>

Введение

У народов Узбекистана в древности существовал выработанный веками обряд захоронения. Согласно зороастрийским религиозным представлениям (зороастризм – одна из наиболее распространенных религиозных систем в Центральной Азии, возникшая на рубеже II–I тыс. до н.э.), хоронили не самих покойников, а их очищенные кости. Когда ветер, солнце, дикие животные и птицы «очищали» мертвые тела в «башнях молчания», последним пристанищем служили специальные керамические гробики – *остадоны*, или оссуарии. Термин «оссуарий» искусственно введен русским ученым-археологом Н.И. Веселовским и означает «костехранилище» (от латинского «os» – «кость») [Веселовский, 1901]. Оссуарии изготавливали из глины и обжигали. Они имели вид ящичков, а иногда принимали форму сидящей человеческой фигуры, где ящичек играл роль основания. Оссуарии помещали в особые склепы, которые в арабских источниках именовались *наусами* (термин греческого происхождения). В представлении зороастрийцев кости следовало хранить до дня воскрешения праведников в судный день.

В Государственном музее истории Узбекистана АН РУз хранится одна из самых значительных коллекций оссуариев, насчитывающих 157 целых форм и их фрагментов. Оссуарии были найдены в Ташкенте и Ташкентской области, на Афрасиабе (г. Самарканд) и в Самаркандской области, Кашкадарьинской области, Хорезме, Каракалпакстане и др. Все они принадлежат к местному производству. В создании музейной коллекции оссуариев были задействованы имена многих исследователей края и известных ученых.

Оссуарии, как явление материальной культуры древности, отражают религиозно-идеологические аспекты культуры общества. Как элемент погребальной обрядности они могут служить дополнительным источником для изучения зороастризма, как неотъемлемой части истории религии населения Центральной Азии.

Анализ материалов по теме

Оссуарии, с открытием которых были связаны уже первые шаги среднеазиатской археологии, привлекли внимание ряда крупных русских ученых. Одним из первых исследователей оссуариев

был Н.И. Веселовский, который во время своей научной командировки в Туркестанский край в 1884–1885 гг. провел археологические раскопки в округе Тойтепа и на городище Афрасиаб близ Самарканда. Хотя во время проведения его работ на городище Афрасиаб в 1885 г. были обнаружены лишь разрозненные обломки, тем не менее, он сразу предположил, что это глиняные гробы «огнепоклонников». Позднее Н.И. Веселовскому удалось собрать почти полный оссуарий [Отчет, 1891. С. XXIX].

Изучению оссуариев пристальное внимание уделял крупнейший русский востоковед В.В. Бартольд. Он первым указал на важность сообщения Вэй-цзе (начало VII в.) о том, что близ Самарканда держали специальных собак, пожиравших трупы, а также отметил сообщение китайских хроник о поклонении урне в резиденции правителя Ташкентского оазиса. В.В. Бартольд подчеркивал своеобразие находимых в Туркестане оссуариев, указывающее, по его мнению, на определенные особенности среднеазиатского зороастризма [Бартольд, 1966а; 1966б]. В 1907–1909 гг. были опубликованы связанные с изучением среднеазиатских оссуариев работы К.А. Иностранцева, содержащие почти исчерпывающую сводку письменных источников о погребальных обычаях «райских племен» [Иностранцев, 1907; 1908].

Научное изучение памятников зороастризма начато с середины 1930-х гг. В 1936 г. Я.Х. Гулямов впервые заложил раскоп на оссуарном могильнике Кубатау Амударьинского района Республики Каракалпакстан [Минасянц, Каюмова, 2018. С. 159–166].

В изучение памятников зороастризма значительный вклад внесли сотрудники Хорезмской археолого-этнографической экспедиции под руководством С.П. Толстова, в т.ч. Ю.А. Рапопорт, Г.П. Снесарев, Е.Е. Неразик и другие. Оссуарный обряд, его зарождение и последующее развитие в Южном Приаралье специально изучены Ю.А. Рапопортом [Рапопорт, 1962б; 1971]. К исследованию этой важной проблемы в 1960–80-е гг. подключились А.В. Гудкова, В.Н. Ягодин, Т.К. Ходжайов, Е.Б. Бижанов, М.М. Мамбетуллаев, Ю.П. Манылов и др. Результаты их исследований позволили утверждать, что Хорезм был тем центром, откуда началось широкое распространение этого обряда

в первых веках нашей эры [Толстов, 1948; 1962; Толстов, Лившиц, 1964]. В работе Б.Я. Ставиского сведены данные о находках оссуариев в Центральной Азии по 1953 г. [Ставиский, Большаков, Мончанская, 1953].

Имеются статьи, посвященные описанию некоторых оссуариев, найденных на территории Ташкента [Пославский, 1903; Остроумов, 1907; Филанович, 1990] и Ташкентской области [Агзамходжаев, 1963; Аскарлов, 2002; Луконин, 1966; Буряков, 1968; Исламов, Баратов, Алимов, 2002; Минасянц, 1990; 2002; Богомолов, Минасянц, 2007; Алпаткина, Алимухамедова, Минасянц, 2010; Левтеева, Минасянц, 2017; Минасянц, Каюмова, 2018].

Статуарные оссуарии из Хорезма были объектом изучения Ю.А. Рапопорта [Рапопорт, 1962б; 1971]. Интересна статья о существовании в раннесредневековом Хорезме специальных погребальных сосудов (горшках), хранимых в специальных помещениях наряду с оссуариями [Мамбетуллаев, Турманов, Юсупов, 2002].

Оссуариям Согда посвящены статьи Г.Я. Дресвянской и Н.И. Крашенинниковой [Крашенинникова, 1986; Дресвянская, 1990]. Обстоятельное освещение эта тема получила в кандидатской диссертации Л.В. Павчинской, в которой на основании датированного материала освещены проблемы хронологического развития, территориальная специфика оссуариев Согда [Павчинская, 1990]. К диссертации приложены сводный каталог согдийских оссуариев и альбом иллюстраций.

Предлагаемая статья представляет собой первое специальное исследование, которое вводит в научный оборот коллекцию оссуариев, хранящихся в археологическом фонде Государственного музея истории Узбекистана. В ней содержатся данные о времени и обстоятельствах находок оссуариев в различных местах Центральной Азии. Разработана типология оссуариев, изучена их специфика, хронологические рамки бытования типов. Рассмотрены техника изготовления, формы оссуариев, виды (орнаментация), эволюция, символика декора, территориальная специфика. Такое целостное описание музейной коллекции оссуариев предпринято впервые.

Выводы, полученные в ходе исследования, могут быть использованы при подготовке обобщающих трудов по истории культуры Центральной Азии эпохи античности и раннего средневековья.

Комплектование музейной коллекции

Один из самых древних в музейной коллекции оссуариев, отнесенный к I в. до н.э. – II в. н.э., изготовлен в образе женщины (рис. 1). Он найден в ходе раскопок крепости и зороастрийского храма Кой-Крылган-кала (IV в. до н.э. – III–IV вв. н.э.), проведенных Хорезмской археолого-этнографической экспедицией в Турткульском районе Рес-

спублики Каракалпакстан в 1950 г. Передан музею Институту этнографии АН СССР в 1965 г. Оссуарий в виде пустотелой керамической покрытой ангобом статуи, изображающей сидящую молодую женщину (колл. № 76/91). Лицо широкое, с несколько тяжеловатым подбородком. Брови, переданные рельефной линией, длинные, смыкающиеся над переносицей. Глаза с рельефными веками, невелики и имеют миндалевидные очертания. Зрачки не обозначены. Нос с горбинкой. Волосы закинута за уши и спускаются несколько ниже мочки, на затылке переходят в широкую косу. Уши маленькие, с отверстиями в мочках. Левая рука согнута в локте. Бедро подчеркнуто широкие, ноги переданы рельефом, выдавленным изнутри на передней стенке прямоугольного сиденья-ящика. Узкие длинные ступни расположены выше дна ящика. Детали одежды обозначены слабыми неясными линиями. Платье или длинный и широкий шарф опускается ниже колен до щиколоток. Широкий подол как бы раскнут по сиденью и украшен волнистой оборкой, переданной рельефным налетом. Верхняя часть фигуры отделена до обжига, срез начинается на уровне пояса, спереди проходит по коленям. Для прикрепления крышки служат две пары отверстий, расположен-

Рис. 1. Оссуарий из Койкрылганкалы, Турткульский р-н, Республика Каракалпакстан. I в. до н.э. – II в. н.э. Колл. № 76/91. Фото Ж. Шукурова

Fig. 1. Ossuary from Koikrylgan-Kala, Turtkul District, Republic of Karakalpakstan. 1st century BC – 100th AD. Coll. No 76/91. Photo by J. Shukurov

ные с боков. Левая рука сохранилась до локтя. Ангоб светло-розовый. Общ. высота – 71,7 см. Ящик-сиденье: высота 20 см, длина 35 см, ширина 22 см.

Всего на Кой-Крылган-кале были найдены обломки примерно 10 керамических погребальных статуй, которые, отличаясь размерами, передавали образ одного и того же типа [Рапопорт, 1962б. С. 67–83]. Стилистически скульптуры близки к терракотовым статуэткам, изображающим, по общему мнению ученых, облик зороастрийского божества. И как пишет Ю.А. Рапопорт: «Наиболее вероятной является мысль о том, что женские статуарные оссуарии изображают умерших в образе Ардвисуры Анахиты», передают образ, входящий в круг представлений о великой богине, матери всего живого, владычице царства мертвых. По Авесте, Анахита – божество, от которого зависит продолжение человеческого рода, она «выращивает семена всех мужей, подготавливает материнское лоно всех жен, делает легкими роды всех жен, наполняет в урочный час молоком материнскую грудь» [Рапопорт, 1971. С. 64–65].

На Кой-Крылган-кале были найдены также статуарные оссуарии, изображающие сидящего мужчину. Возможно, что в них передан образ Сиявуша – зороастрийского бога умирающей и воскрешающей природы, тесно связанного с культом мертвых. Такого рода оссуарии хранятся в Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге [Рапопорт, 1971. С. 64–65].

Как считает Ю.А. Рапопорт, умершего человека должна была олицетворять статуя, внутри которой покоились его останки и образ покойного героизировался или же обожествлялся – умерших изображали в виде местных божеств Анахиты, Сиявуша и Митры [Рапопорт, 1971. С. 81–85]. По мнению Ю.А. Рапопорта, в Хорезме во II в.

до н.э. – III в. н.э. статуарные оссуарии хранились в домах и в течение какого-то определенного срока считались необходимыми для совершения обрядов в честь умершего и только после этого переносились на кладбище [Рапопорт, 1971. С. 86].

В Музее истории имеется полая скульптура головы человека в натуральную величину, найденное археологами Хорезмской археолого-этнографической экспедиции М.Г. Воробьевой и Г.П. Снесаревым в ходе раскопок, проведенных в 1960 г. в 4 км северо-западнее крепости Бурлы-кала (рис. 2). Датирован II–III вв. Передано музеем Ю.А. Рапопортом (Институт этнографии АН СССР им. Миклухо-Маклая, Москва) в апреле 1979 г. (колл. № 76/124). Лицевая часть широкая и довольно плоская. Глаза удлинённые, миндалевидных очертаний, веки переданы невысоким рельефом. Зрачки не обозначены. Нос сильно выступающий, горбатый, с тонкими ноздрями. Под скулами вертикальными царапинами переданы волосы, которые сходятся в окладистую бороду. Тщательно изображена причёска. Она обрамляет лицо и, плавно опускаясь к затылку, сзади почти доходит до уровня плеч. Мягкими широкими бороздками переданы волнистые пряди волос, они по краю причёски образуют крупные завитки, выполненные живо и довольно свободно. Тыльная часть головы отбита. Изготовлена из хорошего, без грубых примесей, теста, принявшего при обжиге снаружи красноватый оттенок. Ангоб светлый. Нижняя часть лица, кроме бороды, не сохранилась. Недостающие части догипсованы. Высота – 27 см, ширина 19 см [Рапопорт, 1971. С. 70. Рис. 31]. Скорее всего, это погребальная маска, которые существовали в погребальном культе Древнего Хорезма в данное время [Толстов, 1962].

Во II–III вв. использование статуарных оссуариев в погребальной практике было прекращено, поскольку с точки зрения ортодоксального зороастризма они, видимо, рассматривались как идолы, произошел переход к погребениям в оссуариях другой формы [Рапопорт, 1971. С. 67, 120].

В археологическом фонде ГМИУ хранится небольшая коллекция оссуариев, обнаруженных в результате раскопок Я.Г. Гулямовым и Т.М. Миргиязовым оссуарного могильника на возвышенности Кубатау. В сентябре 1936 г. по заданию Узкомстариса Т.М. Миргиязов и ученый секретарь Узкомстариса Я.Г. Гулямов выехали в район с. Мангыт Хорезмской обл., где на возвышенности Кубатау летом были обнаружены оссуарные захоронения. Совместную экспедицию организовали Узкомстарис и ЦИРМ УзССР [Минасянц, Алпаткина, 2014. С. 21–23; Алпаткина, Алимухамедова, Минасянц, 2010. С. 239]. В архиве музея хранится отчет о поездке¹, планы и фотографии с места раскопок, а в фонде археологии – оссуарии из раскопок.

Рис. 2. Оссуарий из Бурлы-калы. Хорезмская обл. II–III вв. н.э. Колл. № 76/124. Фото Ж. Шукурова
Fig. 2. Ossuary from Burly-Kala, Khorezm Region. 100–200^s AD. Coll. No 76/124. Photo by J. Shukurov

¹ Краткий отчет о Кубатагской археологической поездке – 1936 год // Архив ГМИУ

Рис. 3. Оссуарий из Кубатау, Хорезмская обл. VI–VII вв.
Колл. № 76/10. Фото Ж. Шукурова

Fig. 3. Ossuary from Kubatau, Khorezm Region. 500^s–600^s.
Coll. No 76/10. Photo by J. Shukurov

Гора Кубатау имеет крутые каменистые склоны и плоскую поверхность, на которой расположено несколько небольших мазаров и обширное мусульманское кладбище. У южного и северного склонов исследователями были отмечены скопления обломков оссуариев, керамических сосудов и костей. В результате раскопочных работ удалось выявить остатки стен, сложенных из сырцовых кирпичей размером 40×40×10 см и обнаружить целые оссуарии, а также их многочисленные обломки, фрагменты сосудов и человеческие кости. Выходы кладки, несомненно, относящейся к одному сооружению, были зафиксированы на протяжении до 35 м [Gulam, 1937. В. 6; Алпаткина, Алимухамедова, Минасянц, 2010. С. 234–254; Рапопорт, 1971. С. 98–99]. Наличие остатков этой постройки отметили и последующие исследователи памятника – М.С. Андреев (1937 г.), Ю.А. Рапопорт и Г.П. Снесарев (1955 г.) [Рапопорт, 1971. С. 98–100]; видимо, она являлась дахмой [Мейтарчян, 1999. С. 57].

Все оссуарии из Кубатау, хранящиеся в ГМИУ, можно подразделить на два типа. Первый (большинство) – ящичного типа, имеют прямоугольную форму, на четырех ножках. У одного оссуария (колл. № 76/10) сохранилась покатая купольная крышка с блоковидной ручкой (рис. 3). Оссуарии сформованы вручную, отдельными частями, в формовочной массе имеются обильные примеси грубомолотой дресвы, тесто грубое, характерное для хорезмийской керамики VI–VII вв. Аналогичные оссуарии обнаружены В.Н. Ягодиным при раскопках Миздахканского некрополя, которые он датировал VI–VII вв. [Ягодин, Ходжайов, 1970. С. 83, 84]. Ю.А. Рапопорт также датирует подобные оссуарии VI–VII вв. [Рапопорт, 1971. С. 99]. Подобный тип оссуариев относится к так называемому афригидскому типу [Рапопорт, 1971. С. 97]. Работы Я.Г. Гулямова и Т.М. Миргиязова на Куба-

тау «положили начало археологическому изучению домусульманских древностей Хорезма» [Рапопорт, 1971. С. 98].

Второй тип – это цельнолепные оссуарии прямоугольных очертаний с четырехскатным верхом и прямоугольным вырезом-люком в торце (колл. № 76/109) (рис. 4). По форме, технике изготовления, элементам декора они находят аналогии среди других хорезмийских оссуариев и могут быть датированы VI в. [Рапопорт, 1971. С. 121].

Большую группу собрания Государственного музея истории Узбекистана составляют оссуарии, обнаруженные в разное время на территории Ташкента и Ташкентской области. Ташкентский оазис, или Чач, на протяжении всего раннесредневекового периода являлся крупным регионом, где широко бытовали оссуарные захоронения, во многом определяя специфику его погребальной обрядности. Корпус большей части оссуариев овальной формы, изготовлен ленточным способом, путем последовательного наращивания слоев, что визу-ально очень хорошо прослеживается. Днище прямое или слегка вогнутое внутрь. На это были, по мнению Г.А. Пугаченковой, определенные исторические причины, связанные с проникновением в Среднеазиатское междуречье в V–VI вв. тюрков. Тюрки, осев здесь, слились с местным населением и переняли их обычаи и верования, а местное население, сообразуясь с их вкусами, воспроизводило в ритуальных предметах формы, в т.ч., по мнению Г.А. Пугаченковой, и оссуариев, понятные пришельцам. Поэтому именно в VI–VII вв. получили распространение овальные оссуарии – произведения эпохи господства тюркской полукочевой знати [Пугаченкова, 1950. С. 43].

Одним из первых оссуариев, обнаруженных на территории Ташкентской области, является костехранилище, найденное в 1886 г. «на участке земли отставного рядового Ваулина, близ бывшей почтовой станции Ниязбаш, в 22 км от Ташкента по дороге в Самарканд» (колл. № 76/52) [Остро-

Рис. 4. Оссуарий из Кубатау, Хорезмская обл. VI–VII вв.
Колл. № 76/109. Фото Ж. Шукурова

Fig. 4. Ossuary from Kubatau, Khorezm Region. 500^s–600^s.
Coll. No 76/109. Photo by J. Shukurov

умов, 1907. С. 33, 34]. Оссуарий с крышкой, увенчанной фигуркой птицы с раскинутыми крыльями (рис. 5). На крышке процарапан квадрат, который заключает в себе четырехлепестковую розетку. Между верхними лепестками розетки процарапаны трилистники, а между остальными сделаны треугольные прорезы. Корпус оссуария опоясывает зубчатый бордюр, под которым две соприкасающиеся концами лепестков четырехлепестковые розетки с отверстиями в центре. В промежутках между лепестками розеток процарапаны трилистники, а в пространстве между розетками трилистники, соединяясь, образуют дополнительную шестилепестковую розетку.

В том же 1886 г. «в двух верстах от Ташкента, по дороге в с. Никольское (ныне ю-в окраина Ташкента) рабочими, проводившими арык на земле Н.М. Никифорова (близ холма Алтынтепа), были обнаружены оссуарии, которые были разбиты частью по неосторожности, а частью из любопытства» [Остроумов, 1907. С. 34]. Сохранился лишь фрагмент стенки оссуария (колл. № 76/93) с рельефным изображением человеческой фигуры с расставленными ногами (рис. 6). В левой поднятой руке человек держит, видимо, дубинку, которая верхним концом прижата к виску. На груди и ногах глубокие насечки. Фигура человека заключена в жгутообразную арку. Над аркой горизонтально подлеплена волнистая лента, от которой справа опускается аналогичная лента. В поле вокруг фигуры человека орнамент в виде веточек «елочкой».

Рис. 5. Оссуарий из Ташкента. VI–VII вв.
Колл. № 76/52. Фото Ж. Шукурова
Fig. 5. Ossuary from Tashkent. 500^s–600^s.
Coll. No 76/52. Photo by J. Shukurov

В 1896 г. в Ташкенте были зафиксированы два пункта оссуарных захоронений. Местным жителем Саид Бакыханом Абдулкасымхановым в музей был передан оссуарий овальной формы с орнаментом в виде пучка овальных лепестков (колл. № 76/28), обнаруженный в Ташкенте на участке Ишанхана Падшаханова в местности Чилдухтаран (район завода Ташсельмаш), близ кладбища за Саларом.

Другой находкой этого же года явились два оссуария, обнаруженные во «дворе Латыфбаева, расположенном на расстоянии версты от холма, Шаш-тепа (в 4-х верстах от Ногай-кургана, на левом берегу арыка Ангар), вдоль современной дороги Ташкент-Самарканд, в 7 км от Ташкента» [Остроумов, 1907. С. 35]. Лицевая сторона обоих украшена изображением цветочных розеток (колл. №№ 76/12 и 76/14).

В 1897 г. Акбарханом Акрам Палвановым (сыном собирателя древностей Акрама Аскарора) «при рытье земли во дворе в местности Рахкат Бешагачского старшинства г. Ташкента были открыты два костехранилища с крышками» [Лыкошин, 1897. С. 25] (колл. №№ 76/29 и 76/36). На одном оссуарии крышку венчает стилизованная головка животного, а на корпусе налеплена горизонтальная спиралевидная лента, от которой опускаются три вертикальных аналогичных налеса. Массивная крышка второго оссуария завершается ручкой с зубцами и украшена веточками «елочкой». На корпусе процарапаны прямоугольники, заключающие четырехлепестковые розетки (колл. № 76/29).

В 1903 г. у с. Богородицкого (ныне Занги-ата) Ташкентского уезда был обнаружен и поступил в музей оссуарий с крышкой. На лицевой стороне волнистый бордюр, от которого опускаются три ленты. Между налестами две цветочные розетки. На торцах сделано по три треугольные прорезы (колл. № 76/38).

Рис. 6. Фрагмент оссуария из Ташкента. VI–VII вв.
Колл. № 76/93. Фото Ж. Шукурова
Fig. 6. Fragment of an ossuary from Tashkent. 500^s–600^s.
Coll. No 76/93. Photo by J. Shukurov

В 1904 г. Мирза-Абдулла Исамухаммедов передал в музей два костехранилища, найденные в долине р. Ангрен [Остроумов, 1907. С. 36]. Один из оссуариев довольно высокий, овальный, с крышечкой, увенчанной зубчатой ручкой, но без орнаментации (колл. № 76/27). Второй оссуарий (инв. № 76/106) без крышки, овально-вытянутой формы, с горизонтальной волнистой лентой, от которой у торцов опускаются две аналогичные ленты, а в средней части две узкие ленты с вдавлениями от пальцев. Поля украшены орнаментом в виде цветочных розеток с дисковидным наделом в центре. Между их лепестками треугольные прорезы (рис. 7).

В Ташкенте в местности Дегрес, на территории дачи купца Иванова в 1908 г. обнаружен оссуарий овальной формы с раздутыми торцами. Лицевая сторона украшена волнистой горизонтальной лентой, от которой опускаются три зубчатые ленты. В промежутках перекрещивающиеся веточки «елочкой» с отверстиями в месте пересечения (колл. № 76/4).

Там же в местности Дегрес осенью 1915 г. при пересадке виноградных кустов было открыто еще несколько оссуарных захоронений (колл. №№ 76/2 и 76/25). Оссуарии переданы музею В.Э. фон Эггертом. Один из них – овальной формы с купольной крышечкой, орнаментированной «в сетку». Венчает крышку ручка в виде грибка. Орнамент в виде трех вертикальных веточек «елочкой», между которыми перекрещивающиеся веточки и стрелки (колл. № 76/2).

Со второй половины 20-х годов XX в. в археологическом изучении Узбекистана наступил новый этап, характеризующийся усилением полевых экспедиционных исследований, что позволило обнаружить новые пункты оссуарных захоронений.

С 1923 г. начинается активная деятельность выдающегося археолога М.Е. Массона в качестве заведующего археологическим отделом Главного среднеазиатского музея [Пугаченкова, 1990. С. 4]. Важным в научном отношении открытием стало обнаружение в апреле 1928 г. М.Е. Массоном и Т.М. Миргязовым зороастрийского кладбища у

большого каньона Ислахат-арык, в 1,5 км восточнее г. Тойтепа (с 2017 г. – г. Нурафшан), в 25 км к югу от Ташкента [Массон, 1953. С. 29]. Оссуарии залегали группами по два-три в вырытых в лессе узких камерах на глубине 2,5 м от поверхности земли. Они находились в пределах одного могильника с катакомбами более раннего времени. В каждой из оссуарных групп оказались однотипные экземпляры, что позволило предположить, что это были семейные захоронения (один мастер, одна печь, где производился обжиг) [Массон, 1953. С. 29–31; Древности..., 1978. С. 4]. В результате раскопочных работ были получены оссуарии раннесредневекового периода (VI–VII вв.), из которых 11 целых оссуариев овальной формы (рис. 8; 9), несколько крышек, фрагментов разбитых оссуариев, куски погребальных хумов-корчаг. Все это поступило в Музей истории (колл. №№ 76/129, 76/107).

При новых земляных работах, проводившихся весной 1937 г. по расширению уступов верхней части каньона Ислахат-арыка, были вновь найдены овальные оссуарии [Массон, 1953. С. 129. Прим. 31]. К месту находки Узкомстарис направил научных сотрудников Я.Г. Гулямова и Т.М. Миргязова, в присутствии которых было произведено вскрытие трех групп оссуариев того же типа захоронения, что был установлен здесь в 1928 г., и музейную коллекцию дополнили 14 целых оссуариев и большое количество фрагментов.

Все оссуарии, обнаруженные в тойтепинском оссуарном некрополе, имеют овальную, овально-вытянутую или же яйцевидную в плане форму, с купольными или конусообразными крышками. Крышками являлись срезанные до обжига верхние части цельнолепных оссуариев. Размеры их колеблются по длине в основании от 32 до 64,5 см, ширина – от 21,5 до 35 см, высота – от 30 до 43,5 см. Формовочная масса оссуариев приготовлена из хорошо promeshанной глины. Формовка произведена на плоской подставке, с применением песчаной подсыпки. Обжиг горновой, в основном ровный, черепок в изломе главным образом розовый, а также красноватый.

Рис. 7. Оссуарий из долины реки Ангрен. Ташкентская область. VI–VII вв. Колл. № 76/106. Фото Ж. Шукурова
Fig. 7. Ossuary from the Angren River valley. Tashkent Region. 500^s–600^s. Coll. No 76/106. Photo by J. Shukurov

Рис. 8. Оссуарий из городища Улькантойтепа. Ташкентская область. VI–VII вв. Колл. № 76/129. Фото Ж. Шукурова
Fig. 8. Ossuary from the Ulkantoytepa settlement. Tashkent Region. 500^s–600^s. Coll. No 76/129. Photo by J. Shukurov

Рис. 9. Осуарий из городища Улькантойтепа. Ташкентская область. VI–VII вв. Колл. № 76/107. Фото Ж. Шукурова
Fig. 9. Ossuary from the Ulkantoytepa settlement. Tashkent Region. 500^s–600^s. Coll. No 76/107. Photo by J. Shukurov

В 1934 г. археологическим отрядом Таджикско-Памирской экспедиции под руководством М.Е. Массона, благодаря находке В.Д. Жуковым на Кыркджангитепе, близ городища Канка, фрагмента от лицевой стенки осуария овальной формы (колл. № 76/105) [Массон, 1953. С. 29, 30. Рис. 20], удалось установить новый пункт распространения осуариев в долине р. Ангрен. В 1956 г. в музей поступил осуарий № 76/34, который был обнаружен в кишлаке Таштуган Аккурганского района. Имеет вид удлиненного закрытого ящика со сглаженными гранями, на четырех ножках, без орнаментации. Сверху у округлой торцевой стороны сделан почти квадратный вырез части стенки. Этот осуарий отличается от всех остальных осуариев Ташкентской группы и приближен к хорезмийскому типу.

В 1958 г. при проведении земляных работ на юго-западной окраине Ташкента в районе 54-го разезда были обнаружены захоронения в хуме и в двух осуариях. На место находки выехали научные сотрудники Музея истории Л.И. Альбаум и Института истории и археологии АН УзССР Т.Р. Агзамходжаев. Находки сначала были доставлены в Институт истории и археологии АН УзССР, а затем были переданы в Музей истории (колл. №№ 76/21, 76/22). Обстоятельства, при которых были обнаружены осуарии, выяснить не удалось. Как сообщили строители, осуарии и хум были найдены на глубине около 1,5 м от дневной поверхности неподалеку друг от друга. Они имели овальную форму и у обоих были орнаментированы только лицевые стороны. Осуарии датированы VI–VII вв. н.э. [Агзамходжаев, 1963. С. 84–86].

В 1950–60-е гг. велись наблюдения на новостройках в северном, юго-восточном и юго-западном районах г. Ташкент. В северной части в местности Чукурсай было зафиксировано погребальное поле захоронений в хумах и осуариях,

овальная форма и орнамент которых характерен для долины Чирчика и Ангrena [Левтеева, 1992. С. 40].

В 1963 г. между Пскентом и Муратали, на правом берегу Ташкентского канала были обнаружены осуарии, два из которых были доставлены в музей С.Х. Ишанхановым, Ю.Ф. Буряковым и К.А. Шахуриным [Буряков, 1968. С. 133–135]. Один из осуариев (колл. № 76/26), имеет форму, переходную от прямоугольника к овалу: стенки от прямоугольного основания конически сужаются и переходят в верхнюю овальную половину с куполообразной крышкой (рис. 10). Ю.Ф. Буряков связывает особую форму мураталинского осуария с этапами трансформации погребальных сооружений племен, спустившихся в I тыс. н.э. с гор в долину реки Ахангаран (Ангрен) и воспринявших зороастризм с сохранением старых верований в зооморфные силы [Буряков, 1968. С. 136]. В том же 1963 г. в поселке Кызыл-Шарк Янгийольского района был обнаружен цельнолепной овальный в плане осуарий № 76/37. Верхняя часть – в виде купола со сквозным отверстием в центре.

В 1973 г. на территории Букинского района Ташкентской области был обнаружен осуарий овально-вытянутой формы с куполообразной крышкой (колл. № 76/6) (рис. 11). Осуарий № 76/18 был обнаружен в 1977 г. в Верхнечирчикском районе Ташкентской области.

В апреле 1988 г. во время проведения земляных работ на холмах, расположенных рядом с территорией городской свалки г. Тойтепа (в 500 м к северо-востоку от кирпичного завода № 2), были обнаружены четыре осуария, три из которых были закрыты крышками (колл. №№ 76/141, 76/142, 76/143, 76/144). Осуарии находились на глубине около метра и располагались рядом, по-

Рис. 10. Осуарий из Пскента. Ташкентская область. VI–VII вв. Колл. № 76/26. Фото Ж. Шукурова
Fig. 10. Ossuary from Pskent. Tashkent Region. 500^s–600^s. Coll. No 76/26. Photo by J. Shukurov

Рис. 11. Оссуарий из Букинского района. Ташкентская область. VI–VII вв. Колл. № 76/6. Фото Ж. Шукурова

Fig. 11. Ossuary from the Bukinsky District. Tashkent Region. Coll. No 76/6. 500^s–600^s. Photo by J. Shukurov

чти соприкасаясь сторонами. Оссуарии овальной формы, крышкой служит срезанная до обжига верхняя сферическая часть тулова. В двух оссуариях (№№ 76/141–142), обнаружены костные останки захороненных. Судя по качеству черепка и техники изготовления, можно предположить, что оссуарии сформованы одним мастером и даже обожжены в одной закладке печи. Оссуарии №№ 78/143–144 отличаются меньшими размерами и некоторыми элементами орнамента. Все оссуарии покрыты слоем плотного ангоба [Минасянц, 2002. С. 168–172].

В сентябре 2001 г. студенту ТГПУ им. Низами Ф. Султанову стало известно о находке сосуда с костями в районе хлопкопункта на восточной окраине г. Тойтепа при выборке грунта для изготовления кирпичей. Сведения оказались достоверными. Ф. Султанов привез и передал сосуд-оссуарий академику АН РУз А.А. Аскарову, который оперативно организовал небольшие работы на месте находки. Была заложена траншея 15×2 м и на глубине 2 м обнаружены еще два оссуария и четыре скопления человеческих костей [Аскаров, 2002. С. 33–38; Богомолов, Минасянц, 2007. С. 38–45]. Два оссуария (колл. №№ 76/147, 76/148) позже были переданы в Государственный музей истории Узбекистана (рис. 12), один остался на кафедре «Ватан тарихи» истфака ТГПУ им. Низами.

Оссуарии, обнаруженные на восточной окраине Тойтепа, составляют единую хронологическую группу. По форме, технике изготовления и большинству элементов декора они находят полные аналогии среди других групп ташкентских оссуариев [Массон, 1953. С. 30–31; Минасянц, 1990. С. 73–74] и могут быть датированы VI–VII вв. н.э. Все они, видимо, были изготовлены одним мастером или в одной мастерской. На это указывает единая качественная характеристика глиняного теста, способ изготовления – предварительная раскатка и подрезка дна оссуария, ширина лент – 6,5 см,

единое оформление декоративных элементов (грибовидные навершия вертикальных столбов, косая сетка и т.д.). Вместе с тем, в каждом конкретном случае мастер применял индивидуальные, иногда уникальные, приемы отделки – от простого, широко распространенного декора до сложного, с применением штампа.

Некоторую группу фрагментов оссуариев в музейной коллекции представляют согдийские оссуарии, найденные на территории г. Самарканда (Афрасиаб), Самаркандской и Кашкадарьинской областей. В основном это фрагменты, найденные и доставленные в музей в ходе раскопок в конце XIX – начале XX в. и переданные Ташкентскому публичному музею ТКЛА.

В первой четверти XX в. в музей поступила часть археологической коллекции много путешествовавшего по Туркестану члена ТКЛА И.А. Кастанье, состоявшей преимущественно из подъемного материала, лично собранного коллекционером в 1912–1916 гг. и считавшейся, по отзывам специалистов, одной из лучших в Ташкенте. В ней свыше 500 предметов, которые в настоящее время включены в двадцать три коллекционные описи (100, 102–108, 110–119, 121–126). Среди находок в Термезе – два обломка стенок оссуариев из желтой обожженной глины, один с выпуклым орнаментом, другой с орнаментом в виде спиралевидно закрученной окружности в центре, вокруг которой размещены мелкие двойные кружочки [Левтеева, Минасянц, 2017. С. 27].

В 1988 г. в окрестностях к. Сиваз Китабского района Кашкадарьинской области преподавателем кафедры археологии ТашГУ (НУУ им. М. Улугбека) Н.И. Крашенинниковой были найдены два штампованных оссуария, которые затем поступили в Музей истории (колл. № 324/257) (рис. 23).

Рис. 12. Оссуарий из Тойтепы. Ташкентская область. VI–VII вв. Колл. № 76/148. Фото Ж. Шукурова

Fig. 12. Ossuary from Toitepa. Tashkent Region. 500^s–600^s. Coll. No 76/148. Photo by J. Shukurov

Один из поступивших в музей оссуариев (колл. № 76/5) был найден в Джизакской обл., доставлен в музей научным сотрудником Института истории АН РУз У.Алимовым. Оссуарий керамический, цельнолепной, в плане овальной формы с несколько смещенным куполообразным верхом, увенчанным ручкой (рис. 24). Дно плоское. В верхней купольной части с торцевой стороны до обжига сделан вырез части стенки, при этом вырезанный кусок служит заслонкой. Посередине, продольно опускаясь до основания, наклепана волнистая лента, которую в двух местах пересекают аналогичные ленты. Датируется VI–VII вв. н.э. По типу аналогичен оссуариям Ташкентской группы.

Хранятся в фонде и несколько оссуариев, найденных вне пределов Узбекистана, на территории других республик Центральной Азии. Из них два оссуария найдены на территории Казахстана на городище Тараз в пределах г. Аулие-ата (совр. г. Джамбул). Один в 1904 г., другой – в 1927 г., во время экспедиционной поездки М.Е. Массона и Т.М. Миргиязова, предпринятой для обследования развалин древнего городища [Умняков, 1929. С. 268, 269]. Оссуарии в плане овально-вытянутой формы, изготовлены из хорошо промытой глины красноватого обжига. Ангоб светло-серый. На лицевой стенке одного оссуария (колл. № 76/49), на высоте 17 см наклеплен горизонтальный волнообразный бордюр, от которого вниз, не доходя до основания, опускаются три аналогичные вертикальные наклепки, что характерно для оссуариев Ташкентской группы. Второй оссуарий (колл. № 76/33) без ornamentации поверхности стенок, с боковым вырезом.

В 1920-х гг. в 12 км от г. Фрунзе (совр. Бишкек, Кыргызстан) при строительстве Аламединой железнодорожной станции был найден керамический оссуарий № 76/89, в форме четырехугольного прямоугольного ящика с четырехскатной крышечкой. Оссуарий сплошь покрыт рельефным штампованным орнаментом (рис. 13) [Богомолов, 2000. С. 86–96].

К вопросу об интерпретации орнаментального оформления оссуариев

Орнаментальная отделка оссуариев, хранящихся в археологическом фонде музея и найденных на территории Узбекистана, отличается разнообразием. Отличительной стороной оссуариев Ташкентской группы являются наличие элементов, которые могут сосуществовать как по отдельности, так и совокупно. Это: наклепной волнистый бордюр у линии среза крышки, от которого на лицевой части до основания или, не доходя до него, опущены по три аналогичные вертикальные ленты. У ряда из них какая-либо орнаментация отсутствует (колл. №№ 76/4, 76/36, 76/37, 76/42, 76/145, 76/154). Поля между вертикальными лентами у некоторых украшена четырехлепестковыми цве-

Рис. 13. Оссуарий VII в. Аламедин. Кыргызстан. Колл. № 76/89. Фото Ж. Шукурова

Fig. 13. Ossuary from 600°. Alamedin. Kyrgyzstan. Coll. № 76/89. Photo by J. Shukurov

точными розетками, большинство из них как бы вписаны в ромб (колл. №№ 76/4, 76/12, 76/38); на каждом лепестке некоторых насечками показаны прожилки (колл. №№ 76/11, 76/14, 76/23, 76/129). Своеобразно оформлен оссуарий № 76/140: боковые плоскости на две трети заполнены рисунком из пересекающихся линий, образующих решетку, и на одну треть по обе стороны от центральной жгутобразной наклепной ленты – скоплений треугольничков. Аналогичную решетку оссуариев Ташкентской группы меньшего размера мы видим в орнаментации оссуариев №№ 76/15 и 76/106 (рис. 7). У оссуария № 76/51 плоскости между лентами заполнены косыми насечками, а у оссуария № 76/104 – мелкими круглыми вмятинами. Такие же вмятины имеются в орнаментации оссуария № 76/118, где они заполняют только одну плоскость, вторая же оформлена орнаментом «елочки». На оссуарии № 76/133 между вертикальными наклепками справа нанесена крупная шестилепестковая цветочная розетка, а слева на поверхности – орнамент в виде ветви «елочкой».

Еще одним признаком, присущим оссуариям Ташкентской группы, является наличие на лицевых поверхностях стенок оссуариев этого типа, а также крышек растительного орнамента в виде крупных и мелких веточек «елочкой» (колл. №№ 76/2, 76/4, 76/6, 76/14, 76/22, 76/29 и мн. др.), которые выступают либо в виде самостоятельного элемента орнаментации, либо в сочетании с другими видами оформления оссуариев. Расходящиеся узкие веточки «елочкой» украшают куполообразную крышку оссуария (колл. № 76/6). На оссуарии № 76/31 поверхность крышки украшает орнамент «елочками», которые отходят в четырех местах от ручки. На лицевой стороне корпуса три крупные «елочки». На оссуарии № 76/32 в промежутках между вертикальными наклепками нанесены две узкие «елочки». Лицевую поверхность оссуария

№ 76/48 украшает орнамент в виде двух наклонно расположенных веток, соединенных паутинками линий. На оссуарии № 76/139 поля между вертикальными налестками украшает орнамент в виде показанных процарапанными линиями крупных веток с отходящими от них треугольными глубокими насечками-лепестками.

Некоторые оссуарии сочетают в себе сразу несколько признаков, присущих именно данной группе. Так, оссуарий № 76/52 (рис. 5) завершается крышкой, увенчанной фигуркой птицы с раскинутыми крыльями. На крышке процарапан квадрат, который заключает в себе четырехлепестковую розетку. Между верхними лепестками розетки процарапан трилистник, а между остальными сделаны треугольные прорезы. Корпус оссуария опоясывает зубчатый бордюр, под которым две соприкасающиеся концами лепестков четырехлепестковые розетки с отверстиями в центре. В промежутках между лепестками розеток процарапаны трилистники, а в пространстве между розетками трилистники, соединяясь, образуют дополнительную шестилепестковую розетку.

По овалу оссуария № 76/18 наклеплен волнистый бордюр, от которого опускаются вертикальные ленты, делящие поверхность на шесть частей, каждая из которых украшена четырехлепестковой розеткой с отверстием в центре. В днище на равном расстоянии сделаны четыре сквозных отверстия.

Разный сложный тип оформления характерен и для оссуариев из Тойтепа, найденных в 1988 г. На корпусе первого оссуария (колл. № 76/141) проходит опоясывающая наклепная лента с пальцевыми вдавлениями, от нее опущены три аналогичных налестки (рис. 15). Между налестками помещены прорезные четырехлепестковые цветочные розетки со сквозными отверстиями в центре. В каждой лепестке цветка посередине сделан продольный

Рис. 15. Оссуарий из Тойтепы. Ташкентская область. VI–VII вв. Колл. № 76/141. Фото Ж. Шукурова

Fig. 15. Ossuary from Toitepa. Tashkent Region. 500^s–600^s. Coll. No 76/141. Photo by J. Shukurov

вырез. Вдоль крайних вертикальных лент выдавлены полой трубкой ряды колечек. На крышке наклепана аналогичная лента, оттиснуты полой трубкой ряды колечек и сделаны четыре сквозных отверстия. Второй оссуарий (колл. № 76/142) с более покатыми торцами и волнистой лентой с лицевой стороны, от которой опускаются три гладких жгута. Поля между жгутами украшают квадраты, выполненные инструментом типа гребенки, в которых аналогичные перекрещивающиеся полосы и сквозные отверстия. Орнаментация третьего и четвертого оссуариев (колл. №№ 76/143, 76/144) аналогична. Они отличаются меньшими размерами и некоторыми элементами орнамента, в частности, в местах скрепления лент имеются налестки, имитирующие изображения лиц – маскарон. Все оссуарии покрыты слоем плотного ангоба.

К самой многочисленной группе отнесены оссуарии и фрагменты от них с антропоморфными и зооморфными изображениями. Это оссуарии в большей степени относятся к Самаркандской группе, в меньшей – Ташкентской. На ташкентских оссуариях мы видим в основном примитивные головки людей, подклепанные в местах соединения вертикальных лент с горизонтальным бордюром, а также в т.ч. и на крышках (колл. №№ 76/6, 76/65, 76/66, 76/101, 76/103, 76/107, 76/116).

Так, крышку оссуария № 76/6, найденного в Букинском районе Ташкентской области в 1977 г., украшают расходящиеся узкие веточки «елочкой» в виде полос из двойных прочерченных линий с отходящими с обеих сторон под уклоном частыми короткими отрезками, расходящимися поперечно от линии среза крышки (рис. 11). На лицевой стороне чуть ниже линии среза наклеплен, находя на торцы, бордюр из часто расположенных пирамидальных острых зубцов, сходящих на нет на тор-

Рис. 14. Оссуарий из Ташкента. VI–VII вв. Колл. № 76/36. Фото Ж. Шукурова

Fig. 14. Ossuary from Tashkent. 500^s–600^s. Coll. No 76/36. Photo by J. Shukurov

цевых сторонах. Ниже бордюра параллельно ему и на всю длину, на высоте 21 см протянута по лицевой стороне, находя на торцы, длинная веточка «елочки», которая в четырех местах соединена с зубчатым бордюром такими же короткими веточками. У основания на лицевой стороне на высоте 2,5–3 см также прочерчена спаренная линия, которая соединяется с верхней веткой с помощью шести вертикальных прямых аналогичных «елочек», деля поверхность лицевой и торцевой стенок на пять почти равных квадратов, в которых прочерчены по две перекрещивающиеся под наклоном аналогичные ветки с углублениями в местах пересечений и в местах соприкосновения с концами вертикальных веток. По обеим сторонам от каждого прорезного отверстия были наклеены, судя по следам от них, попарно наклепы-маскароны с изображением головок человека, отштампованных с одного калыба-формы (сохранились целыми только две головки). Оттиск штампа нечеткий. Лицо вытянутое, с одутловатыми щеками, выступающими скулами и небольшим подбородком. Нос длинный, приплюснутый, рот небольшой с сомкнутыми губами. Глаза большие, миндалевидные, с рельефными веками и округлыми зрачками с точечным углублением. Надбровные дуги рельефно выступают. Лоб низкий, на нем собран спиралевидным жгутом валик волос. Вся прическа перехвачена гладким обручем, который также может быть краем головного убора типа высокого клобука с рельефными украшениями в виде кружочков. Кроме того, это может быть высокая прическа, собранная валиком на лбу, уложенная конусом и перехваченная обручем. Оссуарий изготовлен из хорошо промешанной глины. Черепок в изломе красноватый, ангоб светлый. Оссуарий склеен из фрагментов и имеет мелкие утраты на корпусе.

Остановимся на различных элементах иконографии и орнаментации оссуариев, в которые вкладывался определенный символический смысл, связанный с религиозной идеологией населения на этой территории.

Одним из распространенных элементов орнаментации, встречающимся на оссуариях, являются стебли растений, показанные в виде длинных узких и широких веточек «елочкой», покрывающих поверхности крышек, лицевых стенок и торцевых сторон. Эти изображения можно рассматривать как «священную Хаому», культ которой был одним из центральных и наиболее характерных в зороастрийской религии.

Хаома в «Авесте» выступает в трех качествах: Хаома – божество, Хаома – растение, Хаома – напиток. Изображения стеблей и плодов Хаомы были довольно широко распространены в раннесредневековом искусстве Центральной Азии и Ирана, причем, видимо, в различных районах под Хаомой подразумевались разные растения, обладающие наркотическими свойствами. В то же время

цветы лотоса и ветви растений – атрибуты, посвященные богине Анахите и часто сопровождающие ее изображения [Борисов, Луконин, 1963. С. 34], поэтому вполне вероятно предположение о связи изображенных цветочных розеток на ташкентских оссуариях с культом Анахиты и связью умерших с этой богиней. Показателен в данном отношении оссуарий № 76/89, найденный на территории Кыргызстана в 1920-х гг. (рис. 13), с изображениями шарообразных и фасолевидных выпуклостей, спиралевидных завитков, изображений стеблей, веток с ромбовидными бутонами.

Этим же представлениям соответствуют скульптурные изображения птиц, видимо, голубей, венчающих купольные крышки оссуариев, датируемых VI–VII вв. Фигурки птиц изображены с горизонтально раскрытыми заостренными на концах крыльями и веерообразным хвостом (колл. №№ 76/23, 76/52 (рис. 5)). На оссуарии № 76/47 верх крышки увенчан высокой ручкой в виде фигурки, напоминающей птицу с заостренным вздернутым хвостиком и углублением на спинке. Головка отбита. В местах соединения вертикальных линий с горизонтальной наклепаны миниатюрные фигурки птиц, аналогичных фигурке на крышке (сохранилась лишь одна фигурка из четырех). Верх крышки оссуария № 76/53 увенчан небольшой ручкой в виде фигурки стоящей птицы со сложенными крыльями, головка и хвост птицы отбиты. На фрагментах оссуария № 76/135 крышку венчают две стоящие, примитивно выполненные фигурки птиц, обращенных к широкой части оссуария. Левая фигурка несколько крупнее правой. Крылья птиц широко расставлены в стороны и слегка приподняты, образуя чашеобразные углубления на спинке. Края крыльев округлены. Расширяющиеся небольшие хвостики слегка вздернуты. Головки переданы схематично. Передняя часть утяжелена и как-бы нависает книзу. У более крупной фигурки клюв отбит.

Находки оссуариев, увенчанных фигурками птицы, отмечены также и в Хорезме. Так, скульптурное изображение птицы, вероятно, голубя, имеется на одном из оссуариев II–IV вв. с городища Калалыгыр (Северная Туркмения) [Рапопорт, 1971. С. 93]. Интерес представляет большой фрагмент куботагского оссуария с двумя фигурками птичек на верхней части, а на углах верхней плоскости дисковидные наклепы с крестообразными насечками. Аналогичный оссуарий (колл. № 76/109) был обнаружен Ю.А. Рапопортом и Г.П. Снесаревым в июне 1955 г. здесь же на Кубатау (рис. 4) [Рапопорт, 1971. С. 99]. Сходной формы оссуарии также были найдены при раскопках В.Н. Ягодина на некрополе Миздахкана [Ягодин, Ходжайов, 1970. С. 79, 81]. По этим находкам можно полностью восстановить форму этого оссуария. Он имел прямоугольные очертания, крышка не отделена от ящика, был поставлен на четыре ножки по углам. Отверстие

– люк, через который кости помещали внутрь оссуария, было расположено на торцевой стенке. Ю.А. Рапопорт полагает, что рассматриваемый тип костехранилища является связующим звеном между сводчатыми оссуариями Калалыгырского некрополя и афригидской формой, и, возможно, подражает не сводчатой погребальной постройке, а имевшей шатровое покрытие. По поводу оссуариев этого типа Ю.А. Рапопорт пишет: «рассматриваемый вариант (назовем его «шатровым») следует относить к несколько более раннему времени (VI в.)» и датирует возведение постройки на Кубатау, судя по античному стандарту кирпича, первыми веками н.э. [Рапопорт, 1971. С. 100]. Видимо, скульптурные изображения птиц на верхних частях оссуариев и на крышках – атрибуты, посвященные богине Анахите и часто сопровождающие ее изображения [Борисов, Луконин, 1963. С. 34]. Ю.А. Рапопорт, рассматривавший подобные изображения на оссуариях, обратил внимание, что голуби и павлины – птицы, посвященные Анахите. В процессе эволюции статуарных оссуариев под влиянием идей канонизированного зороастризма антропоморфные изображения заменялись зооморфными образами, воплощавшими то же божество [Рапопорт, 1971. С. 93–94]. Он полагает, что подмена антропоморфного изображения богини Анахиты ее символом – птицей могла опираться на очень давние представления о слиянии души с тотемом [Рапопорт, 1971. С. 94]. Представления о душе, как о парящей птице, известно, в частности, у хорезмийских узбеков [Снесарев, 1969. С. 114, 125].

На некоторых оссуариях – №№ 76/103, 76/107, 76/141 – на лицевых стенках явно обозначены солярные знаки в виде лучей, радиально расходящихся от сквозных отверстий, которые расположены в центре. Кроме того, возможно, солярными символами являются наклепанные в месте скрепления лент медальоны, тисненные в виде кружочков, а также в виде креста в круге.

На многих оссуариях Ташкентской области крышки венчают грибовидные ручки (колл. №№ 76/118, 76/143, 76/144, 76/145, 76/147, 76/153), которые помимо практического назначения несут еще и смысловую нагрузку, являясь, как считает В.Н. Ягодин, солярными символами [Ягодин, Ходжайов, 1970. С. 131].

Привлекает внимание ручка крышки на оссуарии № 76/10 из Хорезма (рис. 3), имеющая блоковидную форму, которая, помимо практического назначения, несет еще и смысловую нагрузку, являясь, как считает В.Н. Ягодин, солярным символом [Ягодин, Ходжайов, 1970. С. 131].

В литературе на многочисленных примерах доказано, что круг, колесо, дисковидные с тисненными крестами налесты, изображенные на оссуариях, являются солярными символами. Рассматривая астральные изображения на оссуариях Хорезма, Ю.А. Рапопорт пишет о почитании солнца

Рис. 16. Оссуарий из Тойтепы. Ташкентская область. VI–VII вв. Колл. № 76/102. Фото Ж. Шукурова

Fig. 16. Ossuary from Toitepa. Tashkent Region. 500^s–600^s. Coll. No 76/102. Photo by J. Shukurov

и связи солярного культа с культом умерших. В зороастрийской литературе астральные символы постоянно сопутствуют представлениям о потустороннем существовании. После смерти человека часть его существа соединяется с солнцем [Рапопорт, 1971. С. 50–52, 83–84, 106]. М.И. Филанович отмечает, что солярные символы на оссуариях – это своего рода напутствие душе умершего [Филанович, 1990. С. 19]. В.Н. Ягодин на примере астральных символов, изображенных на миздахканских оссуариях, рассматривает их, с одной стороны, как определенное «пожелание», чтобы душа умершего приобщилась к сиянию солнца, а, с другой стороны, он связывает солнце с культом Митры [Ягодин, Ходжайов, 1970. С. 131, 132].

С астральными знаками следует, видимо, связывать наклепное украшение на крышке оссуария № 76/102 (рис. 16) в виде полумесяца, обращенного рожками вверх, охватывающего маленький диск и опирающегося на расположенные друг над другом два диска, от которых под наклоном отходят наклепные ленты. Этот символ О.Н. Бадер и А.П. Смирнов связывали с сасанидскими коронами, особенно с коронами Кавада I (488–531 гг.) и Хосрова I (531–578 гг.) [Бадер, Смирнов, 1954. С. 17]. А.В. Гудкова, рассматривая семантику этих символов, связывает их с солнцем и луной, с древнейшими верованиями, которые продолжали жить в зороастрийской среде Центральной Азии [Гудкова, 1964. С. 105]. Ю.А. Рапопорт склонен связывать эти символы с культом богини Анахиты [Рапопорт, 1971. С. 104–106; 1962а. С. 60]. Изображение полумесяца, по мнению Г.А. Пугаченковой, представляло собой условно-графическое воспроизведение навершия храма Адур-Гушнапс в Газнака-Шиз в Азербайджане, где находился один из великих огней зороастрийцев [Пугаченкова, 1957. С. 148].

Верх крышек нескольких оссуариев из Ташкентской области венчают одиночные (колл. № 76/36, рис. 14) или же парные (колл. № 76/43) изображения головок животных, в частности, баранов, козлов. Крышка овально-подпрямоугольной формы с резкими гранями на фрагменте (половина) керамического оссуария VI–VII вв. № 76/43 сделана в виде двух головок животного на одном тулове. Одна голова – козла *Caprasibirica* с загнутыми назад рогами. Морда крупная с большими ноздрями и открытым ртом. Рога выполнены реалистично – массивные, уплощенные с подчеркнутым рубчатым строением. Вторая более близка голове дикого барана типа *Orisarchari*. Рога также рубчатые, загнуты и опущены вперед, морда большая, ноздри раздуты. Посередине торцевой стороны оссуария в крышке и стенке корпуса сделаны сквозные отверстия диаметром 0,7 см. Оссуарий изготовлен из плотно отмученной глины розового обжига. Обжиг хороший. Реставрирован. Найден в 10 км к югу от Пскента, справа вдоль дороги Муратали-Беговат в Ташкентской области при планировке полей Саидовым и Рахматовым 30 марта 1963 г. Поступил в фонд 25 октября 1963 г. [Буряков, 1968. С. 133].

Изображения баранов популярны в сасанидской историографии, где они являются или одной из ипостасей божества войны и победы Веретрагны, или символизируют Хварну (фарн) – божество царской власти и могущества [Борисов, Луконин, 1963. С. 360]. В.Г. Луконин полагает, что изображение барана с бантом связывалось с Хварной Кавиив – божеством царского могущества и власти [Луконин, 1966. С. 79]. Изображения козлов или баранов на оссуариях довольно широко были распространены в раннесредневековой Центральной Азии. Парные головки баранов были отмечены на крышках оссуариев из Миздахкана [Ягодин, Ходжайов, 1970. С. 84, 85. Рис. 35]. Налепной фигуркой козла или барана увенчана крышка оссуария VI–VII вв., найденного в округе Мерва [Ершов, 1959. С. 173. Табл. 7, 2]. Рельефные изображения пары козлов имеются на крышке оссуария VI–VII вв. из некрополя Ток-калы [Гудкова, 1968. С. 222. Рис. 5, 1]. Ю.Ф. Буряков связывает изображения козлов и баранов на крышках с оберегами, отмечая, что в первые века н.э. культ этих животных был широко распространен в Ташкентской области [Буряков, 1968. С. 135].

Помимо головок баранов еще один элемент отделки оссуариев мог выполнять магические охранительные функции. Это изображения стрел, которые встречаются на лицевых стенках и крышках ташкентских оссуариев (колл. №№ 76/28, 76/2, 76/10, 76/99, 76/123). Стрелки процарапаны в промежутках между лепестками розеток, а иногда сплошь покрывают всю лицевую поверхность оссуариев и крышки. На торцах оссуария № 76/38 сделано по три треугольные прорезы, расположен-

ные стреловидно. Иногда наконечники стрел укладывали в оссуарии вместе с костями умерших, считая, что это сохранит содержимое оссуария от злых сил [Ягодин, Ходжайов, 1970. С. 137, 138].

К числу символических элементов в отделке оссуариев следует отнести изображение входа или окна. На ряде оссуариев имитациями дверей и окон являются сделанные в торцевых стенках по сырой глине овальные, квадратные или прямоугольные отверстия (колл. №№ 76/34, 76/42, 76/108). Г.А. Пугаченкова считает подобные отверстия входами-лазами, подобными тем, которые имеются в погребальных сооружениях «мугхона» [Пугаченкова, 1949. С. 62–63]. Ю.А. Рапопорт связывает традицию устройства окон в погребальных постройках зороастрийского круга с проделыванием отверстий для доступа света к костям [Кой-Крылган-кала..., 1967. С. 236]. Изображение дверей на оссуариях следует связывать, видимо, с символическим входом в иной мир.

На многих оссуариях имеются разной конфигурации сквозные отверстия (колл. №№ 76/4, 76/10, 76/24, 76/25, 76/37, 76/38, 76/41, 76/52, 76/102, 76/106, 76/107, 76/131, 76/137, 76/139). Отверстия различны по расположению. На основной массе оссуариев сделаны круглые отверстия в лицевой стенке, которые расположены в центре цветочных розеток, центре пересечения веточек и в центрах плоскостей, разделенных вертикальными налепными лентами. Есть оссуарии, лицевая сторона которых имеет два ряда сквозных округлых отверстий, расположенных горизонтально в средней части и в основании, иногда только в основании или вдоль вертикальных налепов.

На некоторых оссуариях лицевую стенку и крышку прорезают треугольные отверстия (рис. 5) или же треугольные прорезы расположены между лепестками цветочных розеток (колл. № 76/52). Эти прорезы обращены острыми концами к одному центру. В верхней части лицевой стенки оссуария № 76/6 сделаны щелевидные прорезы типа бойниц, некоторые из них не прорезаны до конца. Г.А. Пугаченкова в некоторых случаях считает прорезы в виде вертикальной щели подражением бойницам [Пугаченкова, 1950. С. 22]. У трех оссуариев (колл. №№ 76/8, № 76/9, 76/10) в днище продольно по центральной линии сделаны по три сквозных отверстия. Наличие подобных отверстий в днище и других местах оссуариев V–VII вв. В.Н. Ягодин отмечает в Миздахкане. Этот признак, наряду с другими, может свидетельствовать о зороастрийской принадлежности погребенных в этих оссуариях [Ягодин, Ходжайов, 1970. С. 129]. Наличие подобных сквозных отверстий отмечено на оссуариях, происходящих из Согда [Потапов, 1938. С. 133. Рис. 8, 9], Хорезма [Ягодин, Ходжайов, 1970. С. 129–130] и других районов Центральной Азии. Многие исследователи склонны считать наличие в оссуариях подобных отверстий для про-

пуска света одним из ритуальных предписаний зороастрийской религии, по которому обязательным атрибутом оссуария (остадона) является отверстие [Ягодин, Ходжайов, 1970. С. 129–130].

Остановимся на некоторых элементах орнаментации оссуариев, в которую вкладывался определенный символический смысл, связанный с религиозной идеологией населения на территории Центральной Азии.

Речь здесь идет об оссуариях из музейной коллекции с рельефными изображениями на стенках человеческих фигурок – погрудных или же во весь рост. Четко выделяются детали одежды, характерной для эпохи средневековья. Изображения человеческих фигур на лицевых стенках оссуариев связаны, скорее всего, со сценой оплакивания умершего, сопровождающееся самоистязанием его участников. На оссуариях из тойтепинского некрополя – №№ 76/45, 76/93, 76/100, 76/119 – показаны фигуры оплакивающих с воздетыми вверх руками или же держащими руки на груди и голове. У оссуария № 76/45 в месте соединения центральной ленты фигура до пояса, видимо, женщины с распущенными волосами, с согнутой и лежащей на груди левой рукой и поднятой к голове правой. Четко обозначены рот, глаза и нос.

В поле оссуария № 76/93 (рис. 6) слева от вертикальной ленты аркообразно расположен витой жгут. Арка заключает в себе рельефное изображение стоящей человеческой фигуры с широко расставленными ногами. Правая рука согнута в локте и ладонью прижата к бедру, а левая поднята на уровень головы, и в ней, видимо, находится дубинка, которая своим верхним концом прижата к левому виску. Черты лица фигуры показаны схематично. Лицо широкоскулое, округлое. Глаза и рот показаны глубокими продолговатыми углублениями. Нос бесформенный. Лицо оконтурено глубоко процарапанной линией, что позволяет предположить, что на человеке надет капюшон, который составляет одной целое с плотно облегающей фигуру одеждой в виде комбинезона. Грудь и ноги фигуры украшают вертикально расположенные глубокие насечки. Поле вокруг фигуры украшает процарапанный орнамент в виде веточек «елочкой».

У оссуария № 76/100 (рис. 17) в центре вертикальная лента завершается погрудным изображением женской фигурки с поднятыми и согнутыми в локтях длинными руками, что очень напоминает кариатиду. Фигурка выполнена примитивно. Туловище и руки покрыты треугольными глубокими вдавлениями. Кисти рук не показаны. Плечи широкие, приподнятые. Узкое лицо неестественно вытянуто и перекошено. Большой тяжелый подбородок выдается вперед. Перекошенный большой рот с вывороченными толстыми губами приоткрыт. Глаза обозначены кольцеобразными налепками. Нос сбит. По обе стороны с головы на руки ниспадают две распущенные косы, показанные

налепными лентами с продольными бороздками. Правая коса частично сбита. Вдоль левой щеки к подбородку на плечо спускается жгут. Грудь передана небольшими округлыми выпуклостями. В месте соединения двух крайних вертикальных лент с горизонтальной расположены налепы с раструбно расширяющимся верхом, сдавленной передней частью и сильно продавленным углублением спереди, видимо, изображающие примитивно выполненные человеческие головки.

Своеобразен оссуарий № 76/147. Валики вертикальным членением образуют три квадратных сектора с одинаковым декоративным оформлением – все поле сектора занимает восьмиконечный крест (сочетание прямого и косого крестов). В центре, в месте пересечения линий проделано сквозное округлое отверстие диаметром 1,5 см. Сверху и по бокам периметр сектора украшен косыми насечками. Поле овальной крышки с четырех сторон украшено крестообразно расположенными веточками, направленными вверх к цилиндрической ручке. Округлое навершие ручки оформлено в виде мужской головки. Защипом передан нос, в образовавшиеся углубления помещены круглые, пуговичной формы, налепы, имитирующие глаза. Защипами переданы уши, налепными валиками – усы и губы. Короткая борода передана косыми редкими поперечными насечками. Волосы подчеркнуты длинными линиями, расходящимися от центра макушки. В целом орнаментация оссуария типична для ташкентской группы остадонов и передает какую-то постройку. Один из исследователей предположил, что это символическое изображение рая [Богомолов, 1992. С. 94–95]. Верхняя часть связана с символикой возрождения (поднимающиеся вверх ветви – растительные символы пробуждения природы стянуты к антропоморфной ручке, изображающей умершего, как-бы предопределяя его возрождение). Уникальность этого оссуария состоит в том, что для усиления символики возрождения сосуд дополнительно покрыт

Рис. 17. Оссуарий из Тойтепы. Ташкентская область. VI–VII вв. Колл. № 76/100. Фото Ж. Шукурова

Fig. 17. Ossuary from Toitepa. Tashkent Region. 500^s–600^s. Coll. No 76/100. Photo by J. Shukurov

Рис. 18. Фрагмент оссуария с городища Афрасиаб (г. Самарканд). VI–VII вв. Колл. № 17/183. Фото Ж. Шукурова

Fig. 18. Fragment of an ossuary from the Afrasiab site (Samarkand). 500^s–600^s. Coll. No 76/183. Photo by J. Shukurov

росписью, мазками красно-коричневой ангобной краски. Мазки этой краски сеткой покрывают лицевую и тыльную стороны оссуария. Они же бессистемно нанесены на внутреннюю поверхность резервуара и в несколько слоев покрывают дно.

Сложная сюжетная сцена изображена на оссуарии № 76/148, обнаруженном на восточной окраине г. Тойтепа (рис. 12). Лицевая сторона оссуария выделена лентой защипами. Три вертикальных валика подпирают ленту через равные промежутки. Они имеют грибовидное навершие, нижний край которого нависает козырьком. Вероятнее всего, вертикальные валики были призваны имитировать столбы-колонны какого-то сооружения. В центре секторов нанесено по оттиску крупного штампа.

Штамп передает в невысоком рельефе изображение двух мужских персонажей. Характерен прием передачи ног и головы в профиль, повернутыми вправо, тогда как тело дано фронтально. У них большие головы и длинные руки. Одеты они в длинную рубаху, перехваченную и талии поясом, и, видимо, в длинные штаны. У первого персонажа – круглая лысая голова, крупный прямой нос и узкие вытянутые глаза. Ухо выделено, но смято. У него пышные усы и округлый подбородок. Голова посажена прямо на плечи. В левой опущенной вниз руке он держит крупный одноручный кувшин с почти шаровидным туловом с высоким тонким горлом, оформленным в виде раструблива. Подобные сливы обычны на изображенных металлических сосудах. В другой согнутой в локте и поднятой на уровне груди руке он держит за дно какой-то крупный конический предмет с витым краем. На нем стоят две чаши с коническим туловом. На заднем плане над чашами витает фантастическое существо – птицеконь с высоко поднятым хвостом. Второй персонаж тоже имеет крупную, с заостренной макушкой лысую голову. У него крупный прямой нос, узкий вытянутый глаз, высокие скулы и длинные усы, массивный подбородок. Плечи широкие, массивные. В левой согнутой в локте руке он держит положенные на плечо длинные прутья. В правой, тоже согнутой в локте и поднятой вверх руке, венок из травы и цветов. Торцевые стороны оссуария покрывает крупная сетка из прочерченных пересекающихся линий. Черепок плотный, розового цвета. В качестве отощителя в тесте видны мелко толченный гипс и растительные выгорающие добавки. Внешняя поверхность покрыта светло-кремовым ангобом. Датируется VI–VII вв. Размеры по днищу – 52×37 см, по устью резервуара – 43×32 см, высота 27 см. Толщина стенки 1,5 см. Крышка: 45×33,5 см, высота 15 см [Богомолов, Минасянц, 2007. С. 38–45].

Интересны своими антропоморфными изображениями фрагменты оссуариев, обнаруженные на территории Самарканда и Самаркандской области [Мешкерис, 1962. С. 35–99. №№ 345–350; Двуре-

Рис. 19. Фрагмент (боковая стенка) оссуария из Самаркандской области. V–VII вв. Колл. № 76/96. Фото Ж. Шукурова

Fig. 19. Fragment (side wall) of an ossuary from the Samarkand region. 400^s–600^s. Coll. No 76/96. Photo by J. Shukurov

Рис. 20. Фрагмент (боковая стенка) оссуария из Самаркандской области. V–VII вв. Колл. № 76/98.
Фото Ж. Шукурова

Fig. 20. Fragment (side wall) of an ossuary from the Samarkand Region. 400–600. Coll. No 76/98.
Photo by J. Shukurov

Рис. 21. Фрагмент (боковая стенка) оссуария из Самаркандской области. V–VII вв. Колл. № 76/66.
Фото Ж. Шукурова

Fig. 21. Fragment (side wall) of an ossuary from the Samarkand Region. 400–600. Coll. No 76/66.
Photo by J. Shukurov

ченская, 2016]. Отличительной чертой ряда из них (колл. №№ 76/54, 76/55, 76/61, 76/65, 76/81, 76/83, 76/84, 76/85, 76/86) является наличие у налепных головок, изображающих лицо мужчины, сложно-голового убора – №№ 76/183 (рис. 18) и 76/87 – с крыльями, видимо, одной из разновидностей царского сасанидского венца. Царственный венец изображен состоящим из ободка, орнаментированного точками, или диадемы из двух полос, шарика в центре, прорезанного вертикальными и горизонтальными линиями и двух «крылышек», которые отходят от шара по обе стороны. Лицо обрамлено крутым валиком волос. Размеры головок от 2,5 до 4,5 см. Ниже закраины над налепом проходит рельефный волнистый бордюр, выполненный защипами. Стенка украшена также процарапанными прямыми линиями, либо пуансоном, выполненным полый трубкой под наклоном по сырой глине, либо вдавленными скобообразными насечками.

На трех фрагментах оссуариев – №№ 76/62 (рис. 22), 76/66 (рис. 21), 76/92 – подлепленные к стенке головки изображают звероподобные морды демонов. Крутой выпуклый лоб с выступающими и нависающими над глазами надбровными дугами, сходящимися у переносья. Большие круглые глаза намечены глубокими ямками. Нос широкий, мясистый, с растянутыми в стороны ноздрями. Усы в виде валиков, распушенных и загнутых книзу. Полуоткрытый большой рот как бы растянут в улыбке. Четко показаны листовидной формы заостренные вверх уши с овальными углублениями. По контуру изображения окаймляют завитки

в виде шариков, образуя волосы головы и бороду. Подобные изображения, видимо, должны были служить защитой от потусторонних сил.

На стенках оссуариев изображались также целые сцены, передающие какие-либо события. Так, в музее хранится боковая стенка самаркандского оссуария (колл. № 76/96) размером 53×20 см, на которой воспроизведена сцена оплакивания: изображены шесть налепных фигурок людей, видимо, целой семьи – двух взрослых: мужчины и женщины и четырех детских разного возраста (рис. 19). Все изображения выполнены примитивно. Самое крупное – изображение бородатого мужчины с поднятыми и раскинутыми в стороны руками и широко расставленными ногами. Руками и ногами фигурка упирается в верхнюю и нижнюю горизонтальные ленты. Голова сильно вытянута, верх отбит. Глазные впадины и бесформенный, слегка заостренный нос вылеплены защипом пальцев. Глаза показаны глубокими углублениями. Длинная, овально-вытянутая голова с вертикальными прямыми бороздками опушена на грудь. Пышные длинные усы торчат в стороны. Почти на груди украшенный дисковидными налепами широкий пояс. Слева от фигурки мужчины, как бы примыкая к ней, изображена фигурка, видимо, плачущего ребенка. Левая рука сильно согнута в локте и упирается в грудь, правая также согнута, поднята на уровень головы и прижата к глазу. Нос выполнен защипом пальцев, другие черты лица не прослеживаются. Следующая фигурка ребенка также

Рис. 22. Фрагмент (боковая стенка) оссуария из Самаркандской области. V–VII вв. Колл. № 76/62. Фото Ж. Шукурова
 Fig. 22. Fragment (side wall) of an ossuary from the Samarkand region. 400^s–600^s. Coll. No 76/62. Photo by J. Shukurov

показана очень схематично. Верх головы срезан. Глазные впадины и нос выполнены защипом. Глаза показаны глубокими округлыми ямками. Левая рука согнута в локте и прижата к виску (правая рука утрачена). Третья фигурка ребенка несколько меньше предыдущих. Ноги сильно раздвинуты и четко показаны ступни. Правая рука согнута и прижата к подбородку, левая рука утрачена. В глазных впадинах, сделанных, как и нос, защипом пальцев, обозначены крупными дисковидными налепами глаза. Зрачки показаны овальными углублениями. Четвертая фигурка ребенка изображена в профиль и обращена к мужчине. Черты лица не прослеживаются. Женская фигурка также трактована условно, с раздвинутыми, опущенными вниз обрубками рук и расставленными, обращенными в разные стороны ступнями ног. Живот выпуклый, трапециевидной формы. Грудь впалая. Голова сливается с шеей. Верх головы срезан. Нос заостренный. Глаза в виде крупных дисковидных налепов с

углублениями. Справа от женской фигурки расположен налеп в виде дерева, напоминающего пальму. Слева от мужской фигурки широкой полосой процарапано оконце в виде арки. Черепок в изломе красноватый. Ангоб серый. Обжиг средний. Датируется V–VII вв. [Потапов, 1938. С. 127–137].

На небольшом фрагменте (21,5×22 см) угловой стенки прямоугольного или квадратного в плане корпуса согдийского оссуария VII в. № 76/98 (рис. 20) изображена сцена, связанная с погребальным культом. Здесь изображены язаты (благодетельные существа, отвечающие за те или иные явления природы и жизни) Сраош и Рашну. С их именами связано представление о суде над душой умершего у моста Чинват. Сохранившиеся боковые стенки снаружи украшены резным и штампованным орнаментом в виде растительных побегов, завитков, перлов и барельефными изображениями мужских фигур. Фигуры расположены в средней части стенки и помещены на каком-то возвыше-

Рис. 23. Фрагмент оссуария из Кашкадарьинской области. VI–VII вв. Колл. № 324/257. Фото Ж. Шукурова
 Fig. 23. Fragment of an ossuary from the Kashkadarya region. 500^s–600^s. Coll. No 324/257. Photo by J. Shukurov

Рис. 24. Оссуарий из Джизакской области. VI–VII вв.
Колл. № 76/5. Фото Ж. Шукурова

Fig. 24. Ossuary from the Jizzakh Region. 500^s–600^s.
Coll. No 76/5. Photo by J. Shukurov

нии, типа «айвана», изображенного в виде высоко-го вертикального столбика справа и отходящей от него влево рельефной горизонтальной лесенкой. Левая мужская фигура изображена сидящей на возвышении прямоугольной формы. Ноги скрещены. Туловище цилиндрическое, слегка расширяющееся кверху, отклонено вправо. Правая полусогнутая рука упирается в бедро. Левая рука вытянута и держит весы с полусферическими чашками. На запястье правой руки – тройной браслет или же оторочка рукава. Детали одежды не прослеживаются. Голова и часть левой руки утрачены. Другая фигурка изображена стоящей. Широкие плечи, узкая талия; ноги расставлены на ширину плеч. Голова и правая половина торса утрачены. В левой руке персонаж держит, видимо, поводья или же руку. Кафтан плотно облегает торс; перетянут в талии поясом и свободно опускается ниже колен; рукава длинные. Поле, ниже «айвана», украшено волнообразными завихрениями, изображающими, видимо, воду. У угла на стенке изображены вертикально растительные побеги в виде трилистников. У основания стенки широкая гладкая полоса без орнамента. Черепок в изломе светло-коричневый. Ангоб беловатый. Обжиг средний [Потапов, 1938. С. 127–137].

Сцены оплакивания или связанные с ним отдельные сюжеты довольно часто изображались на оссуариях Центральной Азии. Широко известна сцена оплакивания на росписи из Пенджикента [Живопись..., 1954. С. 33, 34, 167. Табл. XX]. В изображениях на оссуариях из Ток-калы – плачущие мужчины и женщины, которые рвут на себе

волосы и одежду, бьют себя в грудь, по голове и наносят ритуальные ранения [Гудкова, 1964. С. 102]. На оссуарии VI в., обнаруженном в некрополе Миздахкана, также изображена сцена оплакивания, сопровождающаяся самоистязанием ее участников [Ягодин, Ходжайов, 1970. С. 138]. Ал-Бируни писал о жителях Согда, что они оплакивают умерших и сопровождают это оплакивание расцарапыванием лица [Ал-Бируни, 1957. С. 35].

На одном из двух, переданных в музей преподавателем ТашГУ (НУУ им. М. Улугбека) Н.И. Крашенинниковой оссуариев (колл. № 324/257) изображена единая композиция из трех сцен, которая трактована как посвященная теме судьбы души благочестивого умершего и заботам о ее последующем возрождении (рис. 23). Изображенные на другом оссуарии (колл. № 324/440) человеческие фигуры, стоящие фронтально, в рост, скрестив руки на груди, олицетворяют, по мнению Н.И. Крашенинниковой, «фравашей» [Крашенинникова, 1986. С. 45–47]. «Фравашеи» выступали в древней мифологии народов Центральной Азии в роли ангелов-хранителей, т.е. существ доброжелательных, или демонов, т.е. существ, враждебных человеку. В «Авесте» «фравашеи» представлены то в образах воинов-хранителей, то в виде парящей птицы, изображающей душу умершего, то в виде крылатого демона. «Фравашеи» считались защитниками земледельцев, обитавших в оазисах и боготворивших воды небесные и земные [Ремпель, 1957. С. 103–104. Рис. 39]. Оссуарии с изображением «фравашей» были также обнаружены на городищах Тараз (Казахстан), Красная речка (Кыргызстан), Сарыкурган (Узбекистан) и др. [Богомолов, Бердимуратов, 2017. С. 267; Ремпель, 1957. С. 103–104].

Заключение

Таким образом, музейная коллекция оссуариев позволяет составить представление об основных особенностях этой категории памятников материальной и духовной культуры, идеологических представлениях населения Хорезма, Согда и Чача в доисламскую эпоху. Их основное назначение – хранить очищенные кости умерших людей. Самые ранние статуарные оссуарии были обнаружены в Хорезме. В V–VIII вв. оссуарии получают распространение на других территориях Центральной Азии. Оссуарии были керамическими (лепными) (только один из музейной коллекции – алебастровый), имели овальную или четырехгранную с небольшими вариациями форму. Они могли быть неорнаментированными, но у основной их части лицевые и боковые стенки, и крышки покрыты штампованным, лепным или прорезным орнаментом, изображениями людей или только их стилизованных головок, птиц, животных, носивших ритуальный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агзамходжаев Т., 1963. Осуарные захоронения на окраине Ташкента, *История материальной культуры Узбекистана*. Вып. 4. Ташкент: ИИА АН УзССР, с. 84–86.
- Алпаткина Т.Г., Алимухамедова З.У., Минасянц В.С., 2010. Т.М. Миргиязов и материалы раскопок 1936 г. в Хорезме, *Отзвуки Великого Хорезма. К 100-летию со дня рождения С.П. Толстова*. М.: ИЭА им. Н.Н. Миклухо-Маклая, с. 245–266.
- Аскарлов А.А., 2002. Бешкапа осуарийлари, *Археологические исследования в Узбекистане – 2001 год*, Ташкент: Абдулла Кадири, с. 33–38.
- Бадер О.Н., Смирнов А.П., 1954. «Серебро Закамское» первых веков нашей эры: Бартымское местонахождение. М.: Госкультпросветиздат, 35 с. (Труды ГИМ: Памятники культуры. Т. XIII)
- Бартольд В.В., 1966а. Еще о самаркандских осуариях, *Сочинения*. Т. IV. М.: Наука, с. 119–123.
- Бартольд В.В., 1966б. К вопросу об осуариях Туркестанского края, *Сочинения*. Т. IV. М.: Наука, с. 154–171.
- Бируни А.Р., 1957. *Избранные произведения*. Т. I. Ташкент: АН УзССР, 488 с.
- Богомолов Г.И., 1992. О форме осуариев и ее семантической нагрузке, *Времен связующая нить (по материалам музейных фондов)*. Ташкент: Фан, с. 82–97.
- Богомолов Г.И., 2009. Аламединый осуарий, *Материалы и исследования по археологии Кыргызстана*. Вып. 4. Бишкек: Илим, с. 86–96.
- Богомолов Г.И., Бердимуратов А.Э., 2017. Узбекистан, Зороастризм и верования маздеистского круга. Самарканд: МИЦАИ, с. 167–279. (Религии Центральной Азии и Азербайджана. Т. II)
- Богомолов Г.И., Минасянц В.С., 2007. Новые находки осуариев из Тойтепа, *Материалы научной конференции «Чач-Бинкет-Ташкент»*. Ташкент: ФАН, с. 38–45.
- Борисов А.Я., Луконин В.Г., 1963. *Сасанидские геммы*. Л.: Издательство Государственного Эрмитажа. 224 с.
- Буряков Ю.Ф., 1968. Пскентские наусы, *Советская археология*, № 3, с. 114–115.
- Веселовский Н.И., 1901. О находке глиняных гробов в Самарканде, *Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества*. Т. XIII. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, с. II–IV.
- Гудкова А.В., 1964. *Ток-кала*. Ташкент: Наука, 176 с.
- Гудкова А.В., 1968. Новые материалы по погребальному обряду VI–VII вв. в Кердере (Северный Хорезм), *История, археология и этнография Средней Азии. К 60-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, доктора исторических наук, профессора С.П. Толстова*. М.: Наука, с. 214–224.
- Двуреченская Н.Д., 2016. *Терракотная пластика древнейших государств Средней Азии IV в. до н.э. – IV в. н.э. (археологический аспект)*. СПб.: Нестор-История, 610 с.
- Дресвянская Г.Я., 1990. Раннесредневековые осуарии из Южного Согда, *Общественные науки в Узбекистане*, № 3, с. 32–41.
- Древности..., 1978. *Древности Туябугуза*. Ташкент: Фан, 168 с.
- Ершов С.А., 1959. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с осуарными захоронениями в районе г. Байрам-Али (раскопки 1954–56 гг.), *Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТуркмССР*. Т. V. Ашхабад, с. 160–204.
- Живопись..., 1954. *Живопись древнего Пенджикента*. М.: АН СССР, 260 с.
- Иностранцев К.А., 1907. Туркестанские осуарии и остоны, *Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества*. Т. XVII. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, с. 0166–0171.
- Иностранцев К.А., 1908. К изучению осуариев, *Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества*. Т. XVIII. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, с. 064–067.
- Исламов У.И., Баратов С.Р., Алимов К., 2002. Археологические работы в Паркентском, Бостанлыкском и Ахангаранском районах Ташкентской области, *Археологические исследования в Узбекистане – 2001 год*. Ташкент: Абдулла Кадири, с. 76–81.
- Кой-Крылган-кала..., 1967. *Кой-Крылган-кала – памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э.* М.: АН СССР, 348 с. (Труды ХАЭЭ. Т. V)
- Крашенинникова Н.И., 1986. Два штампованных осуария из окрестностей кишлака Сиваз Китабского района, *Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда (IV в. до н.э. – VIII в. н.э.): Тезисы докладов советско-французского colloquium*. Самарканд, 25–30 августа 1986 г. Ташкент: Фан, с. 45–47.
- Левтеева Л.Г., 1992. Некоторые итоги комплектования археологического фонда Музея истории народов Узбекистана им. М.Т. Айбека, *Времен связующая нить (по материалам музейных фондов)*. Ташкент: Фан, с. 26–59.
- Левтеева Л.Г., Минасянц В.С., 2017. *Эхо ушедших эпох (Из истории комплектования фонда археологии Государственного музея истории Узбекистана)*. Ташкент: Fan va texnologiya, 292 с.
- Луконин В.Г., 1966. Картир и Мани, *Вестник древней истории*, № 3, с. 65–81.
- Лыкошин Н.С., 1897. *Сообщение члена-секретаря правления кружка о случайных археологических находках*, Ташкент: Типолитография т.д. «Ф. и Г. бр. Каменские», 29 с.

- Мамбетуллаев М., Турманов Ж., Юсупов О., 2002. Исследование на городище Токкала, *Археологические исследования в Узбекистане – 2001 год*. Ташкент: Абдулла Кадирии, с. 96–101.
- Массон М.Е., 1953. *Ахангеран. Археолого-топографический очерк*. Ташкент: АН УзССР, 144 с.
- Мейтарчян М., 1999. *Погребальный обряд зороастрийцев*. М.: ИВ РАН, 242 с.
- Мешкерис В.А., 1962. *Терракоты Самаркандского музея*. Л.: Гос. Эрмитаж, 140 с.
- Минасянц В.С., 1990. Оссуарии Ташкента и Ташкентской области. История комплектования коллекции, иконография и символика, *Культура Среднего Востока. Изобразительное и прикладное искусство*. Ташкент: Фан, с. 71–85.
- Минасянц В.С., 2002. Новые находки оссуариев из Тойтепа, *История материальной культуры Узбекистана*. Вып. 33. Ташкент: Фан, с. 168–172.
- Минасянц В.С., Алпаткина Т.Г., 2014. *Т.М. Миргиязов – малоизвестное имя в среднеазиатской археологии*. Ташкент: Фан, 40 с.
- Минасянц В.С., Каюмова Д.А., 2018. Оссуарии из Кубатау, хранящиеся в Государственном музее истории Узбекистана АН РУз, *Материальное, духовное наследие и общечеловеческое ценности*. Ташкент: LESSON PRESS, с. 159–166.
- Остроумов Н.П., 1907. Новые данные о глиняных погребальных урнах, *Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии, 1906, год одиннадцатый (1 января 1906 года – 1 января 1907 года)*. Ташкент, с. 32–44.
- Отчет, 1891. *Отчет Императорской археологической комиссии за 1882–1888 гг.* СПб.: Типография императорской Академии Наук, 466 с.
- Павчинская Л.В., 1990. *Раннесредневековые оссуарии Согда, как исторический источник (типология, районирование, хронология)*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Самарканд, 20 с.
- Пославский И.Т., 1903. К вопросу о глиняных гробах, *Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии, 1903, год восьмой (11 декабря 1902 года – 11 декабря 1903 года)*. Ташкент, с. 36–51.
- Потапов А.А., 1938. Рельефы древней Согдианы как исторический источник, *Вестник древней истории*, № 2 (3), с. 127–137.
- Пугаченкова Г.А., 1949. К проблеме возникновения «шатровых мавзолеев» Хорасана, *Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции*. Вып. 1. Ашхабад: Ылым, с. 57–77.
- Пугаченкова Г.А., 1950. Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах, *Труды Института истории, археологии АН УзССР*. Т. 2. Ташкент: АН УзССР, с. 8–57.
- Пугаченкова Г.А., 1957. Материалы по восточной глиптике, *Археология Средней Азии*. Ташкент: САГУ, с. 139–154. (Труды Среднеазиатского государственного университета. Вып. СХІ. Новая серия. Исторические науки)
- Пугаченкова Г.А., 1990. К интерпретации одного из персонажей на байанайманском оссуарии, *Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда: Тезисы докладов советско-французского colloquium, Самарканд, 25–30 сентября 1990 г.* Ташкент: Фан, 1990. с. 78–80.
- Рапопорт Ю.А., 1962а. Об изображении на Бартымском блюде, найденном в 1951 г., *Советская археология*, № 2, с. 52–62.
- Рапопорт Ю.А., 1962б. Хорезмийские остоны, *Советская этнография*, № 4, с. 67–83.
- Рапопорт Ю.А., 1971. Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии), *Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции*. Т. VI. М.: Наука, 132 с.
- Ремпель Л.И., 1957. Некрополь древнего Тараза, *КСИИМК*. Вып. 69. М.: АН СССР, с. 102–110.
- Снесарев Г.П., 1969. *Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма*. М.: Наука, 338 с.
- Ставиский Б.Я., Большаков О.Г., Молчанская Е.А., 1953. Пенджикентский некрополь, *МИА*. № 37, М.; Л.: АН СССР, с. 64–98.
- Толстов С.П., 1948. *Древний Хорезм*. М.: МГУ, 440 с.
- Толстов С.П., 1962. *По древним дельтам Окса и Яксарта*. М.: Восточная литература, 333 с.
- Толстов С.П., Лившиц В.А., 1964. Датированные надписи на хорезмийских оссуариях с городища Ток-кала, *Советская этнография*, № 2, с. 50–69.
- Умняков И.И., 1929. Археологические и ремонтно-реставрационные работы Средазкомстариса в 1927 г., *Известия Средазкомстариса*. Вып. 3. Ташкент, с. 265–275.
- Филанович М.И., 1990. По поводу оссуарного обряда погребения в Ташкенте, *Древняя и средневековая археология Средней Азии*. Ташкент: Фан, с. 85–95.
- Ягодин В.Н., Ходжайов Т., 1970. *Некрополь древнего Миздахкана*. Ташкент: Фан, 254 с.
- Gulam J., 1937. Otmuz izlari (Arxeologik texşirişlar), *Gulistan*, № 4, s. 6.

REFERENCES

- Agzamkhodzhaev, T., 1963, "Ossuary burials on the outskirts of Tashkent", *History of the Material Culture of Uzbekistan*, iss. 4, ИА АН УзССР, Tashkent, pp. 84–86. (In Russ.)
- Alpatkina, T.G., Alimukhamedova, Z.U., Minasyants, V.S., 2010, "T.M. Mirgiyazov and the findings from the 1936 excavations in Khorezm", *Echoes of Great Khorezm. On the 100th anniversary of the birth of S.P. Tolstov*. IEA N.N. Miklukho-Maklay, Moscow, pp. 245–266. (In Russ.)

- Askarov, A.A., 2002, "The Beshkapa Ossuaries", *Archaeological Research in Uzbekistan – 2001*, Abdulla Kadiri, Tashkent, pp. 33–38. (In Russ.)
- Bader, O.N., Smirnov, A.P., 1954, "Silver Zakamskoe" of the first centuries AD: the Bartym site. Goskultprosvetizdat, Moscow, 35 p. (In Russ.)
- Bartold, V.V., 1966, "Further on the Samarkand Ossuaries", *Collected Works*, vol. II, Nauka, Moscow, pp. 119–123. (In Russ.)
- Bartold, V.V., 1968, "To the question of ossuaries in the Turkestan region", *Collected Works*, vol. IV, Nauka, Moscow, pp. 154–171. (In Russ.)
- Biruni, A.R., 1957, *Selected Works*. Vol. I. AN UzSSR, Tashkent, 488 pp. (In Russ.)
- Bogomolov, G.I., 1992, "On the form of ossuaries and their semantic connotations", *The thread linking the ages (based on material from museum collections)*, Fan, Tashkent, pp. 82–97. (In Russ.)
- Bogomolov, G.I., 2009, "The Alamedin ossuary", *Materials and research on the archaeology of Kyrgyzstan*, iss. 4, Ilim, Bishkek, pp. 86–96. (In Russ.)
- Bogomolov, G.I., Berdimuradov, A.E., 2017, "Uzbekistan", *Zoroastrianism and the beliefs of the mazdean circle*, IICAS, Samarkand, pp. 167–279. (Religions of Central Asia and Azerbaijan, vol. II) (In Russ.)
- Bogomolov, G.I., Minasyants, V.S., 2007, "New finds of ossuaries from Toytep", *Materials of the scientific conference «Chach-Binket-Tashkent»*, Fan, Tashkent, pp. 38–45. (In Russ.)
- Borisov, A.Ya., Lukonin, V.G., 1963, *Sasanian gems*. State Hermitage Museum, Leningrad, 224 p. (In Russ.)
- Buryakov, Y.F., 1968, The Pskent nauses, *Sovetskaya arheologiya*, no. 3, pp. 114–115. (In Russ.)
- Veselovsky, N.I., 1901, "On the discovery of clay coffins in Samarkand", *Notes of the Oriental Branch of the Imperial Russian Archaeological Society*, vol. XIII, Printing House of the Imperial Academy of Sciences, St. Petersburg, pp. II–IV. (In Russ.)
- Gudkova, A.V., 1964, *Tok-kala*. Nauka, Tashkent, 176 p. (In Russ.)
- Gudkova, A.V., 1968, "New materials on the burial rite of the 6th – 7th centuries in Kerder (Northern Khorezm)", *History, archeology and ethnography of Central Asia. On the 60th anniversary of the birth of Corresponding Member of the AN USSR, Doctor of Historical Sciences, Professor S.P. Tolstov*, Nauka, Moscow, pp. 214–224. (In Russ.)
- Dvurechenskaya, N.D., 2016, *Terracotta plastic of the Ancient States of Central Asia of the 4th century BC – 4th century AD (archaeological aspect)*. Nestor-Istoriya, St. Petersburg, 610 p. (In Russ.)
- Dresvyanskaya, G.Ya., 1990, "Early medieval ossuaries from Southern Sogdiana", *Social Sciences in Uzbekistan*, no. 3, pp. 32–41. (In Russ.)
- Antiquities..., 1978, *Antiquities of Tuyabuguz*. Fan, Tashkent, 168 p. (In Russ.)
- Ershov, S.A., 1959, "Some results of the archaeological study of the necropolis with ossuary burials in the area of the city of Bayram-Ali (excavations of 1954–56)", *Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the AN TurkmSSR*, vol. V, Ashgabat, pp. 160–204. (In Russ.)
- Painting..., 1954, *Painting of ancient Penjikent*. AN USSR, Moscow, 260 p. (In Russ.)
- Inostransev, K.A., 1907, "Turkestan ossuaries and ostadons", *Notes of the Oriental Branch of the Imperial Russian Archaeological Society*, vol. XVII, Printing House of the Imperial Academy of Sciences, St. Petersburg, pp. 0166–0171. (In Russ.)
- Inostransev, K.A., 1908, "On the study of ossuaries", *Notes of the Oriental Branch of the Imperial Russian Archaeological Society*, vol. XVIII, Printing House of the Imperial Academy of Sciences, St. Petersburg, pp. 064–067. (In Russ.)
- Islamov, U.I., Baratov, S.R., Alimov, K., 2002, "Archaeological works in Parkent, Bostanlyk and Akhangaran districts of Tashkent region", *Archaeological research in Uzbekistan – 2001*, Abdulla Qadiri, Tashkent, pp. 76–81. (In Russ.)
- Koy-Krylgan-kala..., 1967, *Koy-Krylgan-kala – a cultural monument of ancient Khorezm from the 1st to the 5th century BC – 1st century AD*, AN USSR, Moscow, 348 p. (Proceedings of KhAEE, vol. V) (In Russ.)
- Krashenninnikova, N.I., 1986, "Two stamped ossuaries from the vicinity of the village of Sivaz, Kitab district", *Urban environment and culture of Bactria-Tokharistan and Sogdiana (IV century BC – VIII century AD): Abstracts of the reports of the Soviet-French colloquium. Samarkand, August 25–30*, Fan, Tashkent, pp. 45–47. (In Russ.)
- Levtteeva, L.G., 1992, "Some results of the acquisition of the archaeological fund of the Museum of the History of the Peoples of Uzbekistan named after M.T. Aybek", *The connecting thread of time (based on materials from museum funds)*, Fan, Tashkent, pp. 26–59. (In Russ.)
- Levtteeva L.G., Minasyants V.S., 2017, *Echo of bygone eras (From the history of acquisitions of the archeology collection of the State Museum of History of Uzbekistan)*. Fan va texnologiya, Tashkent, 292 p. (In Russ.)
- Lukonin, V.G., 1966, Kartir and Mani, *Vestnik drevnej istorii*, no. 3, pp. 65–81.
- Lykoshin, N.S., 1897, *Report of the member-secretary of the board of the circle on random archaeological finds*, Typographical Society t.h. "F. and G. Kamensky brothers", Tashkent, 29 p. (In Russ.)
- Mambetullaev, M., Turmanov, J., Yusupov, O., 2002, "Research at the Tokkala settlement", *Archaeological research in Uzbekistan – 2001*, Abdulla Qadiri, Tashkent, pp. 96–101. (In Russ.)
- Masson, M.E., 1953, *Akhangeran. Archaeological and topographic essay*. AN UzSSR, Tashkent, 144 p. (In Russ.)

- Meytarchiyan, M., 1999, *Funeral rite of Zoroastrians*. Institute of Oriental Studies RAN, Moscow, 243 p. (In Russ.)
- Meshkeris, V.A., 1962, *Terracotta of the Samarkand Museum*. State Hermitage Museum Publishing House, Leningrad, 140 p. (In Russ.)
- Minasyants, V.S., 1990, "Ossuaries of Tashkent and Tashkent region. History of the collection, iconography, and symbolism", *Culture of the Middle East. Fine and Applied Arts*, Fan, Tashkent, pp. 71–85. (In Russ.)
- Minasyants, V.S., 2002, "New finds of ossuaries from Toytepa", *History of the Material Culture of Uzbekistan*, iss. 33, Fan, Tashkent, pp. 168–172. (In Russ.)
- Minasyants, V.S., Alpatkina, T.G., 2014, *T.M. Mirgiyazov: An obscure name in Central Asian archaeology*. Fan, Tashkent, 40 p. (In Russ.)
- Minasyants, V.S., Kayumova, D.A., 2018, "Ossuaries from Kubatau, kept in the State Museum of History of Uzbekistan, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan", *Tangible and intangible heritage and universal values*. LESSON PRESS, Tashkent, pp. 159–166. (In Russ.)
- Ostroumov, N.P., 1907, "New data on clay burial urns", *Protocols of the Turkestan Circle of Archaeology Lovers, 1906, year eleven. (January 1, 1906 – January 1, 1907)*, Tashkent, pp. 32–44. (In Russ.)
- Report, 1891, *Report of the Imperial Archaeological Commission for 1882–1888*. Printing House of the Imperial Academy of Sciences, St. Petersburg, 466 p. (In Russ.)
- Pavchinskaya, L.V., 1990, *Early medieval ossuaries of Sogdiana as a historical source (typology, zoning, chronology)*. Dissertation abstract ... Candidate of Historical Sciences. Samarkand, 20 p. (In Russ.)
- Poslavsky, I.T., 1903, "On the issue of clay coffins", *Protocols of the Turkestan Circle of Archaeology Lovers, 1903, year eight. (December 11, 1902 – December 11, 1903)*, Tashkent, pp. 36–51. (In Russ.)
- Potapov, A.A., 1938, "Reliefs of ancient Sogdiana as a historical source", *Vestnik drevnej istorii*, no. 2 (3), pp. 127–137. (In Russ.)
- Pugachenkova, G.A., 1949, "On the problem of the emergence of the "tent-roofed mausoleums" of Khorasan", *Materials of the South Turkmenistan Archaeological complex expedition*, iss. 1, Ilym, Ashgabat, pp. 57–77. (In Russ.)
- Pugachenkova, G.A., 1950, "Elements of Sogdian architecture on Central Asian terracottas", *Proceedings of the Institute of History and Archeology of the AN UzSSR*, vol. 2, Tashkent, pp. 8–57. (In Russ.)
- Pugachenkova, G.A., 1957, "Materials on Eastern glyptics", *Archeology of Central Asia*, SAGU, Tashkent, pp. 139–154. (Proceedings of the Central Asian State University. Iss. CXI. A new series. Historical sciences) (In Russ.)
- Pugachenkova, G.A., 1990, "On the interpretation of one of the figures on the Bayanayman ossuary", *Culture of ancient and medieval Samarkand and historical connections with it: Abstracts of the Soviet-French Colloquium, Samarkand, September 25–30, 1990*, Tashkent, Fan, pp. 78–80. (In Russ.)
- Rapoport, Yu.A., 1962a, "About the image on the Bartym dish, found in 1951", *Sovetskaya arheologiya*, no. 2, pp. 52–62. (In Russ.)
- Rapoport, Yu.A., 1962b, "Khorezmian ostadons", *Sovetskaya etnografiya*, no. 4, pp. 67–83. (In Russ.)
- Rapoport, Yu.A., 1971, "From the history of religion of ancient Khorezm (ossuaries)", *Proceedings of the Khorezm Archaeological and Ethnographic Expedition*, vol. VI, Nauka, Moscow, 132 p. (In Russ.)
- Rempel, L.I., 1957, "The necropolis of ancient Taraz", *KSIIMK*, iss. 69, Moscow, AN USSR, pp. 102–110. (In Russ.)
- Snesarev, G.P., 1969, *Relics of pre-Islamic beliefs and rituals among the Uzbeks of Khorezm*. Nauka, Moscow, 338 p. (In Russ.)
- Stavisky, B.Ya., Bolshakov, O.G., Molchanskaya, E.A., 1953, "Penjikent necropolis", *MIA*, no. 37. Moscow, Leningrad, AN USSR, pp. 64–98. (In Russ.)
- Tolstov, S.P., 1948, *Ancient Khorezm*. MGU, Moscow, 440 p. (In Russ.)
- Tolstov, S.P., 1962, *On the ancient deltas of Oxus and Jaxartes*. Vostochnaya literatura, Moscow, 333 p. (In Russ.)
- Tolstov, S.P., Livshits, V.A., 1964, "Dated inscriptions on Khorezm ossuaries from the Tok-Kala settlement", *Sovetskaya etnografiya*, no. 2, pp. 50–69. (In Russ.)
- Umnjakov, I.I., 1929, "Archaeological and repair-restoration works of Sredazkomstaris in 1927", *News of Sredazkomstaris*, iss. 3. Tashkent, pp. 265–275. (In Russ.)
- Filanovich, M.I., 1990, "Regarding the Ossuary Funerary Practices in Tashkent", *Ancient and medieval archaeology of Central Asia*, Fan, Tashkent, pp. 85–95. (In Russ.)
- Yagodin, V.N., Khodjayov, T., 1970, *Necropolis of ancient Mizdahkan*. Fan, Tashkent, 254 p. (In Russ.)
- Gulam, J., 1937, *Vestiges of the Past (Archaeological Research)*, *Gulistan*, no 4, s. 6.

Сведения об авторах

Тоҳир Хусанович Норқобилов, PhD (История), Государственный музей истории Узбекистана, Республика Узбекистан, г. Ташкент. E-mail: tokhironorkobilov273@gmail.com, ORCID: 0009-0007-7857-6519

Лариса Георгиевна Левтеева, кандидат исторических наук, Государственный музей истории Узбекистана, Республика Узбекистан, г. Ташкент. E-mail: Uzb.historymuseum@gmail.com, ORCID: 0009-0005-1727-0570

Вазген Сосович Минасянц, Государственный музей истории Узбекистана, Республика Узбекистан, г. Ташкент. E-mail: minasyansvazgen@gmail.com, ORCID: 0009-0005-3214-9875

Дурдона Бахроновна Расулова, PhD (История), доцент, Самаркандский государственный педагогический институт, Республика Узбекистан, г. Самарканд. E-mail: durdonarasulova0999@gmail.com, ORCID: 0000-0002-8203-1569

Information About the Authors

Tokhir Kh. Norkobilov, PhD (History), State Museum of History of Uzbekistan, Republic of Uzbekistan, Tashkent. E-mail: tokhirkorkobilov273@gmail.com, ORCID: 0009-0007-7857-6519

Larisa G. Levteeva, Cand. Sc. (History), State Museum of History of Uzbekistan, Republic of Uzbekistan, Tashkent. E-mail: Uzb.historymuseum@gmail.com, ORCID: 0009-0005-1727-0570

Vazgen S. Minasyans, State Museum of History of Uzbekistan, Republic of Uzbekistan, Tashkent. E-mail: minasyansvazgen@gmail.com, ORCID: 0009-0005-3214-9875

Durdona B. Rasulova, PhD (History), associate professor, Samarkand State Pedagogical Institute, Republic of Uzbekistan, Samarkand. E-mail: durdonarasulova0999@gmail.com, ORCID: 0000-0002-8203-1569

Авторский вклад:

Т.Х. Норкобилов – разработка концепции, разработка методологии, административное руководство исследовательским проектом, формальный анализ, написание рукописи – рецензирование и редактирование

Л.Г. Левтеева – разработка концепции, проведение исследования, курирование данных, формальный анализ, написание черновика рукописи, написание рукописи – рецензирование и редактирование

В.С. Минасянц – проведение исследования, курирование данных, формальный анализ, валидация результатов, визуализация, предоставление ресурсов

Д.Б. Расулова – проведение исследования, административное руководство исследовательским проектом, научное руководство, курирование данных, анализ, валидация результатов, визуализация, предоставление ресурсов

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Authors' contributions:

T.Kh. Norkobilov – conceptualization, methodology, project administration, formal analysis, writing – review & editing

L.G. Levteeva – conceptualization, investigation, data curation, formal analysis, writing – original draft preparation, writing – review & editing

V.S. Minasyans – investigation, data curation, formal analysis, validation, visualization, resources

D.B. Rasulova – investigation, project administration, supervision, data curation, formal analysis, validation, visualization, resources

Conflict of interests: the authors declare the absence of conflict of interests